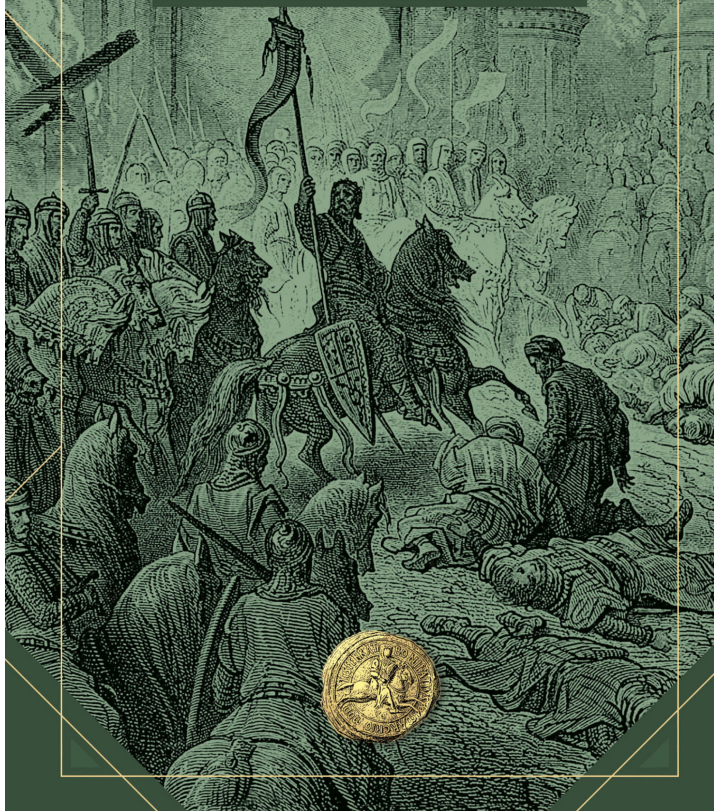

ЖОФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН
ЗАВОЕВАНИЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Жоффруа де Виллардуэн

Завоевание Константинополя

Серия «Эпоха Средневековья»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094998
ISBN 978-5-04-163377-6

Аннотация

Уникальная книга, рассказывающая о Четвертом крестовом походе от участника похода известного французского рыцаря Жоффруа де Виллардуэна. Кто бы мог подумать, что по дороге к Иерусалиму в ходе этого похода крестоносцы захватят Константинополь!

В своем труде де Виллардуэн рассказывает о различных событиях Четвертого крестового похода и о взятии Константинополя европейскими рыцарями. Как очевидец, автор детально описывает штурм города и последовавшие за ним события.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Заборов М.А	7
Духовный мир и социально-исторические воззрения хрониста	22
[Проповедь Крестового похода (1198 – ноябрь 1199 г.)]	35
[Принятие обета Крестового похода (от 28 ноября 1199 г. до первых месяцев 1200 г.)]	41
[Переговоры и соглашение с Венецией о перевозе «за море». Сборы в поход (1200 – май 1202 г.)]	59
[Избрание Бонифация монферратского предводителем Крестового похода (сентябрь 1201 г.)]	81
[Крестоносцы в Венеции (июль – сентябрь 1202 г.)]	94
[Крестоносцы в Венеции: нехватка денег (июль – сентябрь 1202 г.)]	100
[Французско-Венецианский договор о завоевании Задара (август – сентябрь 1202 г.)]	104
[Первые предложения царевича Алексея (август 1202 г.)]	112
[Крестоносцы в Задаре (октябрь 1202 – апрель 1203 г.)]	120

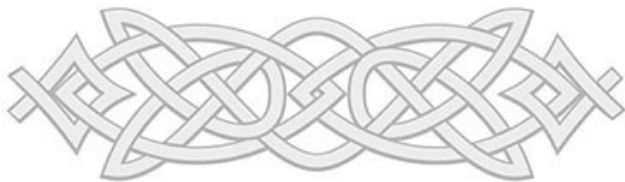
[Осада и взятие Задара (12–24 ноября 1202 г.)]	126
[Конфликт между крестоносцами и венетианцами (конец ноября 1202 г.)]	132
[Договор крестоносцев с царевичем Алексеем (январь 1203 г.)]	137
[Дезертирство из войска (январь – март 1203 г.)]	146
[Папское отпущение за захват Задара (около февраля 1203 г.)]	150
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Жоффруа де Виллардуэн

Завоевание

Константинополя

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

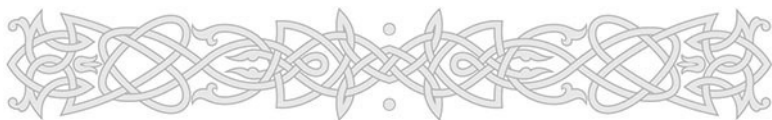

© Заборов М. А., наследники, перевод, комментарии, статьи, 2022

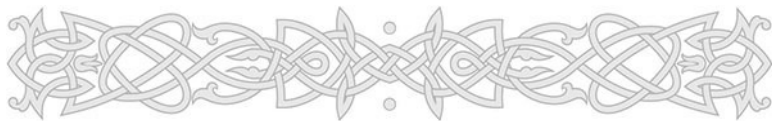
© ООО «Издательство «Яуза», 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Заборов М.А
Хроника Жоффруа де
Виллардуэна как памятник
исторической мысли

Созданный около 1210 г. труд Жоффруа де Виллардуэна «Завоевание Константинополя» наряду с одноименным произведением пикардийского рыцаря Робера де Клари¹ – первоклассный источник фактических сведений о скандально знаменитом в средневековой истории Четвертом Крестовом походе 1198–1204 гг. Как известно, поход этот закончился разбойничьим захватом рыцарями-крестоносцами столицы христианской Византии в 1203–1204 гг., после чего произошли бурные потрясения на Балканах и в Малой Азии, ознаменовавшие образование государств западных завоевателей на византийской территории – Латинской империи и подвасальных ей княжеств. Пожалуй, никто из хронистов-совре-

¹ См.: Робер де Клари. Завоевание Константинополя / пер., ст. и коммент. М. А. Заборова. М., 1985.

менников, будь то французы или англичане, венецианцы или генуэзцы, немцы или фламандцы, греки или русские, словом, никто из историков и мемуаристов, которые так или иначе писали о событиях, приведших к гибели Греческого царства, не сохранил столь обильного и полноценного с точки зрения его детализированности и обстоятельности фактического материала относительно реально происходивших перипетий грандиозной по тем временам «международной» рыцарской авантюры и ее ближайших последствий для стран Балканского полуострова, как Жоффруа де Виллардуэн.

Вместе с тем хроника-мемуары «маршала Шампани и Романии» – замечательный памятник французской исторической мысли. То был период роста и укрепления феодального строя на Западе, отмеченный постепенным преодолением политической раздробленности и первыми, подчас еще непрочными и нелегко пробивавшими себе дорогу успехами королевской власти. Успехи эти опирались на поддержку объединительных усилий центра основным слоем поднимавшегося феодального класса – мелким и средним рыцарством, а также населением возвышавшихся городов. Тогда-то, на рубеже XII–XIII вв., и во Франции, являвшейся типичной страной феодализма, явственно обозначился перелом в социально-политической структуре общества: оно вступило в фазу формирования феодальной государственности нового образца – в фазу постепенного территориального сплочения и политической консолидации. Указанный

процесс принял четкие очертания при Филиппе II Августе (1180–1223), на чье правление приходится и Четвертый Крестовый поход – предприятие по составу своих участников и руководителей преимущественно французское (хотя и не только французское) и по-своему запечатлевшее противоречивые тенденции, характерные для жизни страны на рассматриваемой ступени ее развития.

В отличие от времени Третьего Крестового похода (1189–1192 гг.), возглавлявшегося тремя западными государями, сам Филипп II Август стоял теперь в стороне от очередной крестоносной затеи папства в лице Иннокентия III (1198–1216), попытавшегося вновь двинуть рыцарскую рать Европы на освобождение Гроба Господня в Иерусалиме: всецело поглощенный внутренними делами, король Франции не принимал непосредственного участия в Четвертом Крестовом походе. Эти дела оказались связанными с острыми столкновениями феодальных сил в Западной Европе, прежде всего с борьбой Капетингской короны против английских государей из династии Плантагенетов (Ричарда I Львиное Сердце – до 1199 г., а после его смерти – Иоанна Безземельного) – главных соперников молодого короля, удерживавших немало земельных владений во Франции. С Плантагенетами смыкалась и часть крупных сеньоров страны (граф Фландрский и др.), стремившихся помешать ее консолидации над властью Филиппа II. Союзниками Плантагенетов на континенте была, кроме того, внушительная группировка се-

верогерманских князей – так называемая партия Вельфов во главе с королем Оттоном IV, племянником (по материнской линии) Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. Названные конфликты (а они втянули в свою орбиту немало непокорных французскому королю крупных вассалов – впоследствии все эти сеньоры отправятся в Крестовый поход!) осложнились дипломатическим вмешательством – в пользу англо-вельфской коалиции – «апостольского престола», универсалистско-теократической политике которого противоречил объединительно-централизаторский курс Филиппа II Августа. Его отношения с Иннокентием III в конце XII – начале XIII в. были поэтому в основном натянутыми, хотя периоды напряженности сменялись порой периодами ее ослабления. А поскольку провозглашенный папой Четвертый Крестовый поход изначально был задуман и разворачивался в фарватере этой универсалистско-теократической политики, являясь ее составной частью, постольку и это обстоятельство также побуждало королевскую власть во Франции воздерживаться по крайней мере от прямого участия в папском предприятии. Правда, Филипп II связывал с ним собственные миродержавные планы, но они оставались скрытыми почти от всех сеньоров, которые вступили в 1199–1202 гг. на «стезю Господню».

В такой ситуации должна была особенно рельефно обнаружиться и действительно обнаружилась подлинная социально-классовая суть новой крестоносной экспедиции как

акта феодальной экспансии. Не случайно во Франции ее вдохновляли и направляли не в последнюю очередь явные и тайные противники короны (из числа крупных вассалов короля, не так давно выступавших на стороне англо-вельфской партии). Эта экспансия призвана была содействовать упрочению их собственного могущества – успех сулил приобретение новых земель и богатств. Крестовому походу споспешествовали отчасти и те феодальные элементы, которые вынуждены были склоняться к поддержке крепнувшей королевской власти и на практике даже способствовать претворению в жизнь тщательно завуалированных, но тем не менее далеко шедших политических замыслов Филиппа II Августа. К числу таких «тайных агентов» короны, быть может, невольно относился и Жоффруа де Виллардуэн, который, по крайней мере в начальной стадии Крестового похода, приложил определенные старания к тому, чтобы поставить во главе крестоносцев противника англо-вельфской коалиции – маркиза Бонифация Монферратского, родственника Филиппа II Августа и его союзника в Германии (Филиппа Гогенштауфена)².

Все эти противоречивые тенденции реальной действительности, своеобразно преломлявшиеся в мире идей и представлений, в умонастроениях феодальной среды, в политическом мышлении сеньориальных кругов, наложили

² См. подробно: Заборов М. А. К вопросу о предыстории Четвертого Крестового похода//Византийский временник. М., 1953. Т. VI.

несомненный отпечаток и на записки Жоффруа де Виллардуэна, на концептуальные установки их автора.

Достоинства его хроники как исторического труда определяются главным образом четкостью и значительной точностью в передаче событий Четвертого Крестового похода, фактографической добротностью, логической и пусть в меньшей степени, но все же хронологической упорядоченностью повествования. В этом плане мемуары маршала Шампанского сильно разнятся от воспоминаний Робера де Клари, зачастую смешивающего быть с небылью, громоздящего домыслы, увлекающегося третьестепенными деталями, хотя иной раз и важными для воссоздания колорита всей картины Крестового похода, но, в принципе, не всегда столь уж существенными и т. д. Жоффруа де Виллардуэну вовсе чужды фантазии пылкого пикардийца, да ему и не требовалось подменять реальные события вымышленными, искусственно придавать занимательность рассказу, включая в него — для казуальной связности — «интригующие» эпизоды давней истории государств крестоносцев и Византии, почерпнутые в расхожей молве, и т. д. Маршал Шампанский, не в пример Роберу де Клари, совершенно не нуждался в том, чтобы компенсировать недостаток или отсутствие конкретных данных игрой воображения, ибо, находясь в центре важнейших событий, политики и дипломатии крестоносцев, он был превосходно осведомлен не только о том, что происходило «на поверхности», но и о потаенных пружинах, обусловли-

вавших крутые повороты в судьбах Крестового похода, неотвратно толкавших его в сторону Константинополя. Судя по всему, Жоффруа де Виллардуэн имел в своем распоряжении, помимо того, что задержалось в его памяти или было зафиксировано в дававшихся им путевых заметках, и какие-то документы и официальные акты: во всяком случае, страницы, где он излагает, например, содержание некоторых договорных грамот (франко-венецианская сделка о фрахте флота в 1201 г., договор крестоносцев с византийским царевичем Алексеем в 1203 г., мартовский договор 1204 г. между французами и венецианцами о разделе империи), вполне адекватно раскрывают подлинное содержание этих грамот, а местами даже воспроизводят их текст. Точно так же тон и стиль посольских речей, приводимых хронистом и выдержанных в манере, несколько отличной от остального повествования, где автор говорит от своего лица, позволяют думать, что он располагал копиями писем, нередко дублировавших выступления послов. Поразительно верны и детальны документально подтверждаемые хронологические выкладки мемуариста, обычно скрупулезнейшим образом следующего за событиями и лишь иногда группирующего эпизоды, которые относятся к одному и тому же событийному ряду (кое-где упоминаются факты, скажем, имевшие место в более позднее время, хронологически выпадающие из рассматриваемого сюжета, но в конечном итоге касающиеся этого же тематиче-

ского ряда)³. В указанном смысле записки Жоффруа де Виллардуэна также не идут ни в какое сравнение с мемуарами Робера де Клари, хронологический остов которых нередко приближителен и очень неполон.

Тем не менее, несмотря на фактологические достоинства, еще с XVI–XVII вв. превратившие записки Жоффруа де Виллардуэна едва ли не в основной источник знаний о Четвертом Крестовом походе, все же его хроника, подобно мемуарам Робера де Клари, интересна не столько в чисто «фактурном» отношении, сколько в первую очередь в концептуальном аспекте. Ее ценность в огромной степени обуславливается своеобразным авторским видением и, что особенно важно в интересующей нас связи, авторским освещением событий, активным и значимым участником которых Жоффруа де Виллардуэн являлся, его суждениями об этих событиях, преподносимыми им, в отличие от Робера де Клари, со всей определенностью и категоричностью – в форме собственных, притом весьма красноречиво сформулированных, умозаключений. Как и мемуары Робера де Клари, «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна – истори-

³ Так, хронист сообщает о смерти Алексея IV тотчас после упоминания о его отравлении Морчуфлем (Алексей V) (§ 223), хотя между этими событиями происходили другие, о которых речь пойдет, однако, лишь далее. Другой пример группировки фактов: Жоффруа де Виллардуэн рассказывает в одном и том же месте, как Алексей III, попавший в плен к латинянам, был отправлен на Запад Бонифацием Монферратским (§ 309), хотя в действительности между пленением и отправкой экс-императора в Италию случились различные «промежуточные» события, повествование о которых пойдет позднее (§ 331–332) и т. п.

ческий труд, написанный светским человеком, но не мелким рыцарем, а феодальным сеньором средней руки, достигшим положения высокопоставленного сановника графов Шампани, а после создания Латинской империи – и носителя высокого титула маршала Романии. Иными словами, по своему социальному облику автор – и это в известном смысле сближает его с пикардийским хронистом – составляет исключение в ряду других латинских писателей, рассказывавших о Четвертом Крестовом походе со слов очевидцев. Большей частью то были представители образованного «сословия» – духовенства. Жоффруа де Виллардуэн, как и Робер де Клари, повторяем, – мирянин. При этом, однако, его «Завоевание Константинополя» по своей концептуальной схеме и «программе», в особенности же по своей политической направленности в целом, противостоит мемуарам Робера де Клари. Тот был простым рыцарем и в своем повествовании отразил чаяния и настроения массы рядовых крестоносцев. Напротив, Жоффруа де Виллардуэн входил в элиту крестоносного воинства, в число выдающихся по своему положению *actores rerum* крестоносного предприятия, «задействованным» во всех или почти во всех сколько-нибудь важных дипломатических и боевых акциях «воинства Божьего». Версия событий, выдвинутая в его произведении, продиктована была, как увидим, достаточно ясно осознававшимся самим автором и не утаивавшим своих намерений и от читателя стремлением изобразить в максимально благоприят-

ном свете деяния предводителей этого воинства, включая их наиболее неблагоприятные поступки.

Можно сказать, что хроника маршала Шампанского – один из ранних примеров политической тенденциозности, искусно проводимой в чисто событийном, казалось бы, повествовании средневекового автора. И в целом, и в деталях все оно последовательно подчинено главной цели – всемерного оправдания перед лицом истории тех далеко не достославных «подвигов», которые совершили в христианских землях и против их христианских же жителей несостоявшиеся «освободители Гроба Господня». Он воссоздал историю завоевательного предприятия, руководимого феодальной знатю и венецианской купеческой олигархией, под углом зрения людей своего круга, представителей владельцев и служилых сеньоров, связанных с феодальными верхами, менее всего озабоченных необходимостью решения официально прокламировавшихся религиозных задач, но побуждаемых в первую голову вполне «реалистичными», корыстными мотивами политического, в частности престижного, свойства (а также, если говорить о венецианцах, надеждами на экономические выгоды, которые сулила заморская экспедиция в случае ее успеха).

Неудивительно, что и по стилю преподнесения, равно как и самого отбора фактов, Жоффруа де Виллардуэн существенно расходится с Робером де Клари. Историк-сеньору, к тому же вступившему в шестой десяток своей жизни и до-

статочно умудренному опытом политической деятельности, не к лицу были (да это и не согласовывалось бы с принципиальными «целевыми» установками его повествования) восторженность и непосредственность излияния чувств при передаче материала – черты, столь характерные для впечатлительного пикардийского рыцаря, впервые вырвавшегося из своего захолустья в «большой мир» и высказывавшего безмерную любознательность ко всему, что там ему повстречалось. Жоффруа де Виллардуэн сдержан в повествовании, хотя временами и впадает в выпренно-сентиментальную риторику. Его не интересуют житейские, бытовые подробности событий, о которых он рассказывает. Маршал Шампанский почти везде остается в рамках прозаически-делового изложения всего того, прямым участником, очевидцем чего ему пришлось быть или о чем он узнавал от других свидетелей Крестового похода. Он отбрасывает прочь эпизоды, представляющиеся в его глазах незначительными, пренебрегает живописными деталями, с упоением неофита воспроизводимыми Робером де Клари.

Одни и те же сюжеты оба мемуариста раскрывают в совершенно различной манере – это происходит не только потому, что информация, которой располагал каждый из них, была разной по объему и «качеству»: маршал Шампанский хорошо знал, о чем судил-рядил тот или другой совет сеньоров-предводителей (ведь сам он присутствовал «на всех советах» – § 120), и был не слишком осведомлен о том, как

трактовали их решения рядовые крестоносцы, тогда как у Робера де Клари все обстояло наоборот. Различия объясняются главным образом другим: социально «запрограммированная» направленность видения обоими авторами событий, совершавшихся у них на глазах, культурный и политический кругозор хронистов и, что наиболее важно, целеположенность подхода к материалу были у них весьма неодинаковыми. Один был рупором «общественного мнения» *le peuple*, другой, маршал Шампанский, выражал устремления, взгляды и чаяния *les haut homes*. Герои одного – воины-авантюристы из рыцарских низов, герои другого – маркиз Бонифаций Монферратский, дож Энрико Дандоло, графы и герцоги, доблести и заслуги которых он – там, где они представляются ему достойными, – воспекает и увековечивает. Разный подход, разное понимание событий – отсюда расхождение в их интерпретации при наличии и общих элементов ее, заключающихся в конечном счете в апологетизированном, панегирическом освещении постыдных даже с официально-католической точки зрения рыцарских «деяний».

Жоффруа де Виллардуэн – историк преимущественно, если не исключительно, рационалистично-политического склада мышления, и в этом его коренное отличие от склонного давать волю фантазии и восхищаться «чудесами», простецки наивного Робера де Клари. О чем бы ни заходила речь у того и другого, как воплощение средневекового историзма, оба предстают перед нами в достаточно разном обличье.

Огромный флот крестоносцев? Робер де Клари с неподдельным воодушевлением говорит о знаменах и флажках рыцарей, развевавшихся на башнях нефов при отплытии эскадры к Задару, его приводят в восторг мощные звуки сотни пар серебряных и медных труб, сопровождавшие выступление кораблей из Венеции (гл. XIII)... Жоффруа де Виллардуэн если и выражает восхищение зрелищем отплытия большого флота, украшенного флажками, то оно занимает его разве что в плане оценки перспектив грядущей победы крестоносцев, predetermined могуществом этой великолепной эскадры, на которой одних боевых метательных орудий и таранов имелось свыше трехсот (§ 76). Подготовка крестоносцев к боевым встречам, маневры по сближению с противником? Робер де Клари, находившийся в гуще воинов, подробно распространяется о том, как располагались различные отряды, в какой последовательности наступали конница и пехота, к каким необычным приемам «устрашения» врага прибегали крестоносцы, мобилизуя и вооружая кухонной утварью воинскую прислугу и пр. (гл. XLV, XLVII). Жоффруа де Виллардуэн напрочь опускает все подобного рода детали, тем паче явные вымыслы, довольствуясь лишь перечислением предводителей их или иных отрядов или сведениями о решающих эпизодах битвы, от которых зависел ее исход (§ 148–153, 161, 167 и др.). Город Константинополь? Робер де Клари ослеплен его «чудесами» и без устали выражает свое восхищение громадностью и великолепием

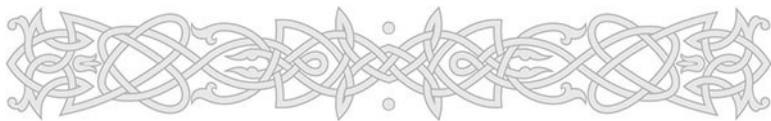
императорских дворцов (гл. LXXXII), редкостными реликвиями, во множестве найденными в церквах (гл. LXXXII–LXXXIII), богатствами храма Св. Софии (гл. LXXXV), роскошью и прихотливостью архитектуры византийской столицы (статуи над воротами и проч. – гл. LXXXIII–LXXXIX), ее ипподромом (гл. XC) и т. д. Жоффруа де Виллардуэн довольствуется несколькими беглыми штрихами, чтобы отметить богатства Константинополя и подчеркнуть его могущество (§ 128); точно так же ему представляется достаточным лишь в немногих словах охарактеризовать колоссальную добычу, размеры и ценность которой сами по себе говорят о масштабах завоевания и о том, что такая добыча не могла не подвергнуться испытанию «бескорыстие» крестоносцев (§ 249–254). Коронация Бодуэна? Робер де Клари описывает ее пышный ритуал во всех экзотичных подробностях – от облачения в императорские одежды до торжественной трапезы во дворце Вуколеон (гл. XCVI–XCVII). Жоффруа де Виллардуэна привлекает одна только политическая сторона избрания первого латинского императора, исключительно ей он и уделяет внимание (§ 256–258).

Перед нами отчетливо вырисовывается система восприятия и преподнесения исторических событий историком-политиком, более того, вырисовывается в целом менталитет крупного феодала из среды тех, кто по призыву Иннокентия III ринулся на Восток завоевывать себе под знаменем религии поместья и сокровища и кто, в конце концов, захватил

и разграбил византийскую столицу.

Познакомимся же теперь ближе с личностью и творчеством хрониста, чтобы затем подробнее рассмотреть идейное содержание и политические тенденции его труда; это в свою очередь позволит выяснить и его собственно историческую ценность, и его специфику как произведения светского французского историка, отражавшего настроения и взгляды представителей высших кругов феодального общества, которые сыграли определяющую роль в судьбах участников Четвертого Крестового похода.

Духовный мир и социально-исторические воззрения хрониста

ИСТОРИК И РЫЦАРСКИЙ ЭПОС

Если мы более или менее обстоятельно осведомлены хотя бы о важнейших вехах биографии Жоффруа де Виллардуэна, точнее, о ее событийной канве, то этого нельзя сказать в такой же мере относительно внутреннего мира хрониста, общекультурного кругозора и духовного облика его личности в целом. Все материалы, которыми располагает историк, приходится черпать исключительно в самом «Завоевании Константинополя». Точно так же лишь на основе произведения «маршала Романии и Шампани» можно составить по крайней мере приблизительное представление о современных ему литературных образцах, влияние которых, пусть опосредованное, он, будучи сравнительно образованным человеком (в отличие от полуграмотного Робера де Кларри), все же, вероятно, испытывал, когда «вручал пергаменту» собственную версию только что прошумевших на всю

Европу событий, диктуя свой рассказ писцу, заносившему на скрижали истории его устное повествование. Правда, мы не в состоянии с полной достоверностью судить о литературном контексте труда Жоффруа де Виллардуэна. На этот счет строились и строятся только гипотезы, высказывались и высказываются только более или менее обоснованные догадки, подкрепляемые данными, которые удастся извлечь опять-таки из хроники.

Опираясь именно на них, кое-кто из новейших западных медиевистов, в частности американская исследовательница Джаннет Бир и английский ученый Колин Моррис, изображали Жоффруа де Виллардуэна «эпическим историком», списывая на «эпичность» многочисленные погрешности его произведения против фактов. Основу такой концепции составляет прежде всего стилистический анализ записок маршала Шампанского. Действительно, в манере преподнесения описываемых им событий нетрудно подметить черты, свидетельствующие о прямом и косвенном воздействии, которое оказывали на его стиль (как и на стиль Робера де Клари) повествовательные приемы, присущие рыцарскому эпосу, — песням о подвигах (*chansons de geste*), героическим сказаниям и романам, пользовавшимся популярностью в феодальной среде. Сплошь и рядом у хрониста встречаются лексические обороты, типичные для эпоса Северной Франции конца XII — начала XIII в. Он часто употребляет, например, явно идущие от устной речи одни и те же застывшие словесные

«формулы», которые либо напоминают аудитории о чем-то, уже изложенном ранее, либо предуведомляют ее о событиях, которым предстоит быть рассказанными в ходе дальнейшего повествования, «как я вам сказал», но не «как я написал»!⁴

Постоянно применяет хронист стереотипные обороты, когда подводит «итог» изложению какой-то группы событий («таким-то образом, как вы слышали, дож принял крест» – § 69; «так они отплыли из гавани Венеции, о чем вы [только что] слышали» – § 76; «вот таким образом, как вы слышали, была поделена константинопольская добыча» – § 255 и т. п.; ср. § 334, 414)⁵. Среди приемов авторского повествования мы находим и распространенные в рыцарском эпосе переходные «мостики», связывающие разные, хотя и смежные, сюжеты, о которых идет речь в рассказе (§ 229: «Больше мы вам [пока] ничего не скажем о тех, кто оставался в Константинополе, а поведаем вам о тех, кто отправился в другие гавани»)⁶. Нередко автор записок прямо обращается к своим слушателям: «А теперь послушайте-ка об одном из самых величайших чудес» – § 70; «И тщетно стали бы вы вопрошать, есть ли какой-нибудь город более прекрасный...» – § 77; «Так вот, сеньоры, знайте, что если бы...» – § 104 и пр. Из аналогичного расхожего в устном творчестве той поры словарного запаса заимствованы отдельные излюбленные

⁴ Beer J. Villehardouin, Epic Historian. Geneve, 1968. P. 34.

⁵ Ibid. P. 39.

⁶ Ibid. P. 40.

Жоффруа де Виллардуэном словечки – «измена» или «предательство» – в смысле несоблюдения или открытого нарушения вассальных обязательств (§ 214)⁷, удвоения одинаковых по значению понятий («опочил и преставился»), использование идентичных выражений в характеристике сходных ситуаций⁸ и многое другое в этом же роде.

В самих описаниях тех или иных реалий антуража Крестового похода, тех или иных впечатлений, которые испытывали его участники, включая самого хрониста, нередко также заметны стилевые следы эпоса с его «былинной», расплывчато-обобщенной и стереотипной картинностью. Именно в такой «былинно»-схематичной, традиционной для эпоса манере нарисована панорама Константинополя, который впервые предстал во всем своем величии очам «пилигримов», находившихся «на нефях, галерах и юиссье» в июне 1203 г.: они «и вообразить не могли, что где-либо на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены и эти богатые [могучие] башни, которыми он весь был обнесен вокруг, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, если бы не видел своими глазами...» (§ 128).

Та же шаблонная схема воспроизводится хронистом, притом в таких же словах, и там, где он передает впечатления

⁷ Ibid. P. 44.

⁸ См. подробнее: *Dufournet J. Les ecrivains de la IVe croisade. Villehardouin et Clari. P., 1973. P. 247–258.*

рыцарей, рассматривавших город уже не издалека, с расстояния в три лье, как это было в первом случае, а непосредственно побывавших в византийской столице после водворения на престоле Исаака II Ангела (18 июля 1203 г.): «Вы можете узнать, что многие из войска [пилигримов] отправлялись повидать Константинополь и [посмотреть на] богатые дворцы, и высокие церкви, которых там было так много, и великие богатства, такие, которых никогда вообще не было в каком-либо городе» (§ 192). Жоффруа де Виллардуэн употребляет стертые, пригодные к применению во всякой аналогичной ситуации эпитеты и во многих других описаниях сходного типа: «высокими стенами и высокими башнями» укреплен далматинский Задар («и тщетно стали бы вы вопрошать, есть ли какой-нибудь город более прекрасный, или более укрепленный, или более богатый» – § 77); «сильнейшими» и «богатыми» крепостями рисуются балканские города, захваченные крестоносцами уже после взятия Константинополя, – Христополь (§ 280), Ла Бланш («весьма сильная и богатая» – § 280), Серры («это был укрепленный и богатый город» – там же), Салоники (один «из самых лучших и самых богатых в христианском мире» – там же), приморские города Коринф и Навплия, отдавшие под власть византийского феодального магната Льва Сгура (города, «самые могущественные под небесами» – § 301) и т. д.

Влияние такого рода и других традиций рыцарского эпоса, прослеживаемое в хронике Жоффруа де Виллардуэна,

неудивительно. Ведь будущий историк Четвертого Крестового похода провел свою молодость и зрелые годы при дворе графа Анри Щедрого (1127–1181) и его преемников, причем почти 15 лет (с перерывом) находился в ближайшем окружении графини-регентши Марии Шампанской, покровительницы труверов, сказителей, романистов. Ее двор являлся своеобразным центром литературного творчества⁹. К тому же дочь Алиеноры Аквитанской в противоположность своему ученому супругу графу Анри Щедрому, светски и богословски образованному человеку, владевшему латынью и читавшему античных авторов, отдавала бесспорное предпочтение литературе на родном языке. Мария Шампанская, привившая шампанскому двору поэтические вкусы пуатевинского и английского дворов, как известно, вдохновила выдающегося поэта-романиста Кретьена де Труа на создание снискавшего ему славу романа о Ланселоте. Ей посвятили свои произведения видные представители эпической поэзии Гас Брюле и Готье Аррасский¹⁰.

Находясь в таком изысканном литературном окружении¹¹, маршал Шампанский имел, конечно, все возможности для того, чтобы хорошо узнать творения певцов, вымышлен-

⁹ Histoire de la Champagne, Publiee sous la direction de M. Grubellier. Toulouse, 1975. P. 132; *Dufournet J.* Op. cit. P. 40.

¹⁰ Ibid.; см. также: *Lejeune R.* La femme dans les litteratures francais et occitane du XIe au XIIIe siecles//Cahiers des civilisations medievaes. 1977. № 2–3. P. 206.

¹¹ Ср.: *Михайлов А. Д.* Молодые годы Кретьена / Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 438–439.

ных их фантазией рыцарских деяний и усвоить определенные черты их стиля. Установлено, во всяком случае, что с *chansons de geste* Жоффруа де Виллардуэн был знаком, несомненно, в большей степени, чем с современной ему латинской литературой, которая являлась доменом преимущественно писателей-клириков¹². Не случайно его хроника начисто лишена каких-либо черт агиографичности: в повествовании мемуариста полностью отсутствуют «священные небылицы», в нем не упоминаются «чудеса» святых Георгия и Маврикия, не говорится об их «реальном» участии в битвах и т. п. «фактах», служивших обычными аксессуарами и латинской хронографии, и рыцарского эпоса Крестовых походов, который складывается в XII в.

С другой стороны, однако, само поэтическое мышление, само образное восприятие мира сказителями, пользовавшимися таким признанием при дворе графов Шампанских, не оказали, по сути, никакого влияния на хрониста. Его не воодушевляли куртуазные принципы ни Кретьена де Труа, ни тем более трубадуров (таких, как Рамбаут де Вакейрас, Гаусельм Файдит, Эльяс Кайрель де Марей), которым покровительствовал маркиз Бонифаций Монферратский¹³, с кем будущий историк Крестового похода находился в весьма добрых отношениях. Жоффруа де Виллардуэн служил в молодые годы своему графу-философу Анри Щедрому, которого

¹² *Beer J.* Op. cit. P. 5.

¹³ *Dufournet J.* Op. cit. P. 45, 47.

высокого ценил и к окружению которого также принадлежали мужи и сведущие в богословии, и сопричастные светской образованности. Таковы бывший секретарь аббата Бернара Клервоского – Николя де Монтъерамей, выполнявший затем эту должность при графе Шампани; знаменитый эрудит своего времени, «теоретик» хронографии Иоанн Солсберийский, трактовавший историю как сферу чисто человеческих дел и событий, в которой Бог не играет решающей роли¹⁴. Возможно, что именно близость к Анри Щедруму и окружавшим его интеллектуалам послужила одним из факторов (согласно гипотезе Ж. Дюфурнэ), способствовавших дистанцированию Жоффруа де Виллардуэна от образного мировосприятия, свойственного представителям куртуазной поэзии¹⁵, пусть какие-то формальные элементы их творчества и не прошли для него вовсе бесследно.

Показательно в этом отношении, например, что все неведомое, экзотичное, с чем сталкивались крестоносцы на своем пути, он передает в выражениях, близких к тем, которые употреблял и для описания повседневной реальности. Так, будучи немало изумлен, как и остальные сеньоры-крестоносцы, громадностью Константинополя, Жоффруа де Виллардуэн деловито приравнивает величину кварталов, сгоревших во время третьего пожара города, к размерам трех взятых

¹⁴ Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.: Л., 1964. С. 166–167.

¹⁵ Dufournet J. Op. cit. P. 41.

вместе больших городов «королевства Франции» (§ 247)¹⁶. Он вообще равнодушен к ходячим образам, наполняющим, к примеру, рифмованные хроники; мемуарист не прибегает к нагромождениям необычных слов, чтобы воспроизвести «местный колорит», как поступает, скажем, Вас, автор «Романа о Бруте»¹⁷. Когда Жоффруа де Виллардуэн характеризует флот, на котором крестоносцы отбыли в октябре 1202 г. из Венеции, то эта картина с точки зрения ее выразительности оказывается довольно блеклой и, во всяком случае, явно уступает тем, в которых раскрываются аналогичные сюжеты у Васа¹⁸. Жоффруа де Виллардуэн удивительно скуп в выборе слов, но это и понятно: ведь он не поэт и не романист, ему не надо было перерабатывать и «оживлять» свои источники – он сам выступал очевидцем рассказываемого. Хронист, наверное, мог бы, если бы захотел, включить в текст принятые и авторами художественных произведений того времени «общие места», тем не менее он их избегает, проявляя сдержанность, которая, по излишне суровой оценке Дж. Бир, подчас граничит – в расплывчатых, порой до схематизма, описаниях – с бессодержательностью¹⁹.

Наряду с эпическим в повествовании хрониста заметно

¹⁶ *Beer J.* Op. cit. P. 11.

¹⁷ Ср.: *Wolledge B.* Notes on Wace's Vocabulary//The Modern Language Review. 1951. Vol. XLVI. P. 16–30.

¹⁸ *Beer J.* Op. cit. P. 11.

¹⁹ *Ibid.* P. 12.

влияние и определенных элементов другого нарративного жанра – волшебных сказок. «А теперь послушайте-ка об одном из величайших чудес» – так начинается рассказ о предыстории бегства царевича Алексея из Константинополя в Италию, о дворцовом перевороте 1195 г., об ослеплении Исаака II его братом Алексеем III и пр. (§ 70). Подобный зачин свойствен именно сказкам, где действуют кудесники и кудесницы. То же относится и к хронологической неопределенности, простирающейся в отдельных местах повествования, к примеру, в следующем затем продолжении того же рассказа: «В это самое время был в Константинополе император по имени Сюрсак» и т. д. В какое «это самое время»? Ведь здесь говорится не о том времени, событий которого Жоффруа де Виллардуэн был участником и свидетелем, а о более раннем! Перед нами типичная «размытая» формула стиля устного сказочного фольклора. Хронист применяет ее здесь, вероятно, и потому, что не знает точных дат излагаемых фактов, и, возможно, желая избежать педантичного воспроизведения деталей, способных замедлить его динамичный рассказ. «В это самое время» – просто расхожий для хрониста, как и в фольклоре, оборот речи – и не более того; в других случаях он ведь и обнаруживает знание политической истории Византийской империи, и не скупится на подробности, необходимые для того, чтобы придать ясность повествованию²⁰.

²⁰ Ibid. P. 8.

Итак, мы вправе констатировать литературные влияния, сказавшиеся на историческом труде «маршала Романии и Шампани», в первую очередь влияние, главным образом формальное, рыцарского эпоса, вполне закономерное в той обстановке, в которой жил и действовал министриал графов Шампанских. Из этого вовсе не следует, однако, что он был «эпическим историком», как полагала Дж. Бир, или, тем паче, «куртуазным писателем», каким склонна изображать его О. Смолицкая. Нередко попытки представить Жоффруа де Виллардуэна писателем эпического склада объективно апологетичны. В этом отношении примечательна, в частности, позиция К. Морриса, который как раз традициями рыцарского эпоса, наложившими некоторый отпечаток, сильно преувеличиваемый исследователем, на труд Жоффруа де Виллардуэна, объясняет все его недостатки²¹. Автор «Завоевания Константинополя», по Моррису, прежде всего рыцарь, ветеран Крестовых походов, его интерес сосредоточен почти целиком на батальной истории, на подвигах соратников; ко всему прочему, включая нравственную сторону их деяний, он якобы безразличен. И хотя хронист рисует реальную действительность, он тем не менее, полагает Моррис, писатель эпический, отсюда его упущения и всякого рода «неточности».

²¹ *Morris C. Geoffroy de Villehardouin and the Conquest of Constantinople// History. 1968. Febr. Vol. 53. № 177. P. 24–34. См. нашу рец.: Вопросы истории. 1969. № 2. С. 199–200.*

Ссылки на эпические традиции и гиперболизация их воздействия на автора записок «Завоевание Константинополя», который, по его собственным уверениям, рассказывал одну лишь правду и «ни разу ни единым словом не солгал с умыслом о том, что ему ведомо» (§ 120), призваны, таким образом, ретроспективно снискать «прощение» Жоффруа де Виллардуэну за допущенные им «промахи» и, как увидим, зачастую намеренные искажения, а тем самым в завуалированной форме призваны затушевывать и наиболее неприглядные стороны Крестового похода, приведшего к завоеванию христианской Византии «воинами Христовыми», оправдать его в полном соответствии с тем, как это делает и сам хронист, о чем – далее.

Из сказанного явствует, что если даже и принимать во внимание известное воздействие эпических традиций на форму преподнесения событий в записках Жоффруа де Виллардуэна, а отвергать это воздействие не приходится, то все же нет никаких оснований подходить к оценке его произведения в целом только с такими, чисто литературными мерками, ибо хроника Жоффруа де Виллардуэна есть прежде всего исторический труд²². В той связи весьма существенно выяснить прежде всего, насколько привержен Жоффруа де Виллардуэн провиденциалистской доктрине, насквозь про-

²² *Larmat J.* Sur quelques aspects de la religion chretienne dans les chroniques de Villehardouin et de Clari//Le Moyen age. 1974. № 3–4. P. 427; ср.: Ibid. Note. Здесь приведено аналогичное мнение Ж.-Ш. Пайен (*Payen J. Ch.* Le Motif du repentir dans la Litterature francaise medievale (des origines a 1230). Geneve, 1968).

низывающей в XII–XIII вв. историографию Крестовых походов.

[Проповедь Крестового похода (1198 – ноябрь 1199 г.)]

1

Знайте, что в год тысяча сто девяносто седьмой от воплощения Господа нашего Иисуса Христа²³, во время Иннокентия, апостолика Рима²⁴, и Филиппа²⁵, короля Франции, и Ричарда²⁶, короля Англии, был некий святой человек во

²³ Называя 1197 год в качестве начальной даты проповеди Крестового похода, Жоффруа де Виллардуэн придерживается счета времени по церковному календарю – в соответствии с ним год считался до праздника Пасхи. Последняя приходилась тогда на 29 марта (1198 г.). Поскольку Иннокентий III стал папой 8 января (или же 27 февраля), постольку очевидно, что Фульк, как утверждает хронист, приступил к проповеди между этими датами, т. е. в январе – марте 1198 г. В действительности начало его проповеднической деятельности относится к ноябрю 1198 г.

²⁴ Римский папа Иннокентий III (8 января или, по иным данным, 27 февраля 1198 г. – 16 июля 1216 г.). Хронист, подобно некоторым другим своим современникам, в частности Роберу де Клари, называет его «апостоликом Рима» – термин, широко распространенный в старофранцузском языке XII–XIII вв. (от лат. apostolicus – выполняющий миссию посланца, наместника Божьего). Иннокентий III, в понтификат которого папство достигло большого могущества, был инициатором Четвертого Крестового похода.

²⁵ Филипп II Август – французский король (1180–14 июля 1223 г.) из династии Капетингов. Родился 21 августа 1165 г. Сын Людовика VII и Адели Шампанской.

²⁶ Ричард I Львиное Сердце – английский король (1189–1199 гг.). Родился 8 сентября 1157 г., умер 6 апреля 1199 г. Сын Генриха II Плантагенета и герцогини Алиеноры Аквитанской. Романтическая историография и художественная лите-

Франции²⁷ по имени Фульк из Нейи (это Нейи находится между Ланьи на Марне и Парижем); и он был священником и держал приход от города. И этот Фульк²⁸, о котором я вам

ратура XIX в. (Вальтер Скотт и др.) прославляли его как воплощение рыцарского благородства, великодушия, отваги, государственной мудрости и пр. На самом деле Ричард I, будучи храбрым воителем, олицетворял собой алчного феодального насильника и политически недальновидного авантюриста.

²⁷ То есть в Иль-де-Франс – области, расположенной между реками Сеной, Марной и Уазой (территория современных департаментов Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, Уазы, Эн) с главным городом Парижем. Эта область составляла королевский домен, и вокруг нее постепенно происходила консолидация остальных земель страны. Впрочем, иногда Виллардуэн употребляет понятие «Франция» для обозначения всей Французской территории (§ 2, 42, 102, 242). Фульк развернул свою проповедь в основном в Иль-де-Франс.

²⁸ Фульк, приходской священник из Нейи-на-Марне (в 7,5 км от Парижа) в 1191–1202 гг., получил первоначальную известность в Париже, проповедуя против ростовщичества и дурных нравов. О его проповеднической деятельности подробно сообщают современные и опирающиеся на них более поздние хроники, в частности королевский летописный свод XIII–XIV вв. «Хроники Сен-Дени» и хроника кардинала-епископа Жака де Витри (1160/70–1210). Более подробные сообщения о Фульке сохранились у Жака де Витри. Будучи современником Фулька, он, по всей видимости, еще студентом слушал проповеди этого священника, вышедшего из низов и сделавшегося впоследствии проповедником Четвертого Крестового похода. В то время когда этот святой человек, читаем в хронике Жака де Витри, привлекал к Богу множество народа, он начал осенять плечо крестным знаменем и вознамерился проповедями и примером склонить князей, рыцарей и прочих людей всякого звания, чтобы поспешили на помощь Святой земле. Он сам начал собирать с верующих деньги и милостыню, намереваясь раздать ее бедным крестоносцам – как рыцарям, так и всем остальным. «И хотя он производил поборы эти не корысти ради или по какой-либо иной дурной причине, все же с этой минуты – по непостижимой воле Божьей – его влияние и влияние его проповедей сильно стало падать в глазах людей; чем больше увеличивались суммы денег, тем больше утрачивались страх и уважение, кото-

говоря, начал проповедовать слово Божье во Франции и в других окрестных землях; и знайте, что наш Господь творил через него многие чудеса.

2

Знайте, что слава этого святого человека распространилась столь далеко, что дошла до Иннокентия, апостолика Рима; и апостолик направил своих людей во Францию и поручил этому благочестивому²⁹ мужу, чтобы он проповедовал

рые он внушал». Через некоторое время, заканчивает свой рассказ Жак де Витри, Фульк захворал тяжелой лихорадкой и умер в селении Нейи. Его похоронили в приходской церкви, настоятелем которой сам он являлся. К его могиле стекались толпы людей из близких и дальних краев. На пожертвования от его почитателей, которые поступали со всех сторон, была закончена перестройка этой церкви, «начатая еще им самим». Сведения о Фульке, а также об отношении Ричарда I Львиное Сердце к проповедовавшемуся священником из Нейи Крестовому походу сообщает и английский хронист Роджер де Хоуден (умер в 1202 г.), современник Фулька и Ричарда I. Многие священники и монахи во Франции подхватили проповедь нового Крестового похода, призыв к которому бросил папа римский. Иннокентий III направил с этой миссией в Германию настоятеля одного из базельских монастырей – Мартина Линцского. Во Францию был командирован для этой же цели аббат Пьер ле Лонгпон, который, однако, заболел и уступил порученное ему дело своему ученику – Фульку. Последний и развернул тогда проповедь Крестового похода. В это время во Францию прибыл папский легат, кардинал-дьякон церкви Св. Марии Пьетро Капуанский, на которого была возложена миссия примирения Филиппа II Августа с Ричардом Львиное Сердце. Легату удалось добиться заключения перемирия между Францией и Англией (январь 1199 г.), что в известной степени облегчило сборы французского рыцарства в Крестовый поход.

²⁹ Слово «prodome», или «prud'homme», часто употребляемое Виллардуэном, имело в XIII в. значение «честный», «почтенный», «разумный», «мудрый», «пра-

крест его, апостолика, волей³⁰. И после того он направил туда своего кардинала мэтра Пьера де Шаппа³¹, принявшего

ведный», «святой» (человек), иногда – «отважный» (воин, рыцарь). В данном контексте оно означает «благочестивый», или «праведный».

³⁰ Выражение «поручил проповедовать крест» (*manda que il preechast des croiz*) тождественно выражению «поручил проповедовать Крестовый поход» (см. примеч. 10). Папа римский Иннокентий III, как уже отмечалось, явился вдохновителем очередного, четвертого по счету, крупного крестоносного предприятия западноевропейского рыцарства. До этого в течение примерно ста лет состоялись три Крестовых похода: первый – в 1096–1099 гг., второй – в 1147–1149 гг. и третий – в 1189–1192 гг. Формальной, «программной» задачей всех этих «священных войн» было освобождение Палестины от власти «неверных». В представлении христиан Палестина символизировала Святую землю, ибо там, согласно евангельским рассказам, родился, жил и был распят на кресте, а затем «воскрес» Иисус Христос, основатель христианской религии). Само понятие «Крестовый поход» современникам, однако, было неведомо: война за Гроб Господень в Иерусалиме обозначалась другими терминами – «странствование», «поход», «путь в Святую землю», «заморское странствование», «поход по стезе Господней» и т. д. Формула «Крестовый поход» родилась гораздо позднее – уже на пороге Нового времени. Во Франции, как предполагают, первым ее употребил придворный историк короля Людовика XIV иезуит Луи Мэмбур (1610–1686), назвавший свой труд на эту тему, опубликованный в 1675 г., «Историей Крестовых походов».

³¹ Пьетро Капуанский – папский легат (уполномоченный) при войске крестоносцев, кардинал-дьякон церкви Св. Марии в Виа-Альта, позднее – кардинал-пресвитер церкви Св. Марсилия. Иннокентий III направил его во Францию 14 августа 1198 г. (сохранилось датированное этим соответствующее письмо папы), распорядившись одновременно, чтобы духовенство всячески содействовало сбору денег для надобностей Крестового похода. Папа самолично объявил кардинала Пьетро Капуанского крестоносцем, прикрепив на его головной убор знак креста. По мнению французского исследователя Э. Фараля, крупного знатока текста хроники Виллардуэна, кардинал Пьетро происходил из города Амальфи, а прилагательное «Капуанский» (в родит. падеже – «*Perron de Chappes*») – это его прозвище.

крест³²; и поручил через него давать такое отпущение грехов крестоносцам, как я вам скажу: всем тем, кто возьмет крест и прослужит Богу в войске один год, будут прощены все грехи, которые они содеяли и в которых исповедались³³. Так как

³² «Принять крест», или «взять крест» – традиционная формула западных повествований XII–XIII вв., означавшая «отправиться в Крестовый поход», точнее, принять обет участия в походе. Человек, принявший такой обет, снаряжаясь на войну против мусульман, прикреплял к одежде (на грудь или плечи) красного цвета матерчатый знак креста, который символизировал религиозные побуждения, намерения и цели воина – освобождение Святой земли от владычества иноверцев. Отсюда выражение «принять крест», т. е. совершить ритуал принятия крестоносного обета.

³³ Часто применяемый Виллардуэном термин «pardon», или «grant pardon», означал в XIII в. частичное или полное прощение грехов католической церковью – индульгенцию (от лат. *indulgere* – оказывать снисхождение). Индульгенцией называлось также письменное свидетельство (удостоверение) об отпущении грехов, выдававшееся церковными властями. В XII–XIII вв. индульгенции все чаще стали предоставляться за деньги и вскоре превратились в одно из главных средств обогащения духовенства, а торговля ими приняла крайне циничные формы: позднее даже издавались папские «таксы» отпущения грехов – своего рода прейскуранты, предусматривавшие ставки оплаты всевозможных преступлений, главным образом нарушений нравственных норм. Со временем папством были введены индульгенции и на еще не совершенные, т. е. на будущие грехи, даже на грехи лиц последующих поколений, своеобразные «пропуска в рай» для потомков. Сама по себе практика выдачи индульгенций, независимо от злоупотребления ею католической церковью, основывалась на доктрине ее канонического права, в соответствии с которой грехи могут быть искуплены «добрыми делами» – молитвами, паломничеством к святым местам и пр., предваряемыми исповедью у священника и данным им «прощением». По церковному учению, коль скоро верующий нарушил «божественный закон» и совершил грех, особенно если этот грех представляет собой серьезное нарушение религиозно-нравственных норм («божьих заповедей»), принадлежащее к категории «смертный грех», одно только таинство исповеди и отпущения грехов способно смягчить последствия тако-

это отпущение было весьма великим, сердца людей сильно растрогались, и многие приняли крест, потому что отпущение было столь великим.

го преступления и вернуть душу к Богу. Жоффруа де Виллардуэн, будучи человеком своего времени, не упускает случая заметить, что исповедь – это непременно условие для получения «прощения». Однако, кроме такого «прощения», получаемого от священника или епископа, «грешнику» необходимо искупить совершенный грех страданием в земной или посмертной жизни. Смысл индульгенции и состоял в том, что она как бы удостоверяла добрые дела или содействие таковым, подтверждала, что «грешник» прощен, ибо страданием искупил содеянное. Поскольку участие в Крестовом походе против «язычников» или «неверных» считалось великим и тяжким подвигом, требовавшим больших жертв, папство предоставляло за это полное или частичное отпущение грехов. Именно о полном отпущении идет речь в повествовании хрониста. Добрыми делами, искупающими «грех», могли быть такие – постройка храма, дарение монастырю и т. д.

[Принятие обета Крестового похода (от 28 ноября 1199 г. до первых месяцев 1200 г.)]

3

На следующий год³⁴, после того как этот благочестивый муж Фульк проповедовал таким образом слово Божье, был турнир в Шампани, в некоем замке, называвшемся Экри³⁵; и милостью Божьей случилось так, что Тибо³⁶, граф Шампа-

³⁴ То есть в 1199 г. По более точным сведениям, приводимым хронистом, турнир происходил в ноябре месяце (см. примеч. 16).

³⁵ Экри на реке Эн, в Арденнах (в настоящее время – Асфельд-Ла-Виль), в 20 км к юго-западу от г. Ретеля. В одной из рукописей хроники местоположение замка представлено в уточненном виде: «между Экри и Балеамом». Последний находился севернее Экри, на правом берегу р. Эн.

³⁶ Тибо III (род. 13 мая 1179 г.), второй сын графа Анри I Щедрого и Марии, дочери Людовика VII (от брака с Алиенорой Аквитанской), племянник Филиппа II Августа и Ричарда I Львиное Сердце. С апреля 1198 г. – вассал французской короны. Во время приготовлений к Четвертому Крестовому походу (24 или 25 мая 1201 г.) Тибо III неожиданно умер. Похоронен в церкви Св. Этьена. Предводителем крестоносцев после кончины Тибо III был избран маркиз Бонифаций Монферратский, о чем хронист рассказывает далее. По рассказам Робера де Кларии и франкосирийского хрониста Эрнуля, Тибо III якобы первоначально являлся главнокомандующим Крестового похода. Это известие сомнительно: Виллардуэн ни о чем подобном не сообщает, в договоре же баронов с Венецией от 1201 г. подписи послов Бодуэна Фландрского поставлены ранее, чем послов графа Шампанского.

ни и Бри, принял крест, равно как и Луи³⁷, граф Блуаский и Шартрский. И произошло это в канун адвента³⁸. Так вот знайте, что этот граф Тибо был молодым человеком не старше двадцати двух лет³⁹; а графу Луи было не более двадцати семи лет. Оба эти графа были племянниками короля Фран-

³⁷ Луи (род. в 1171 г.), граф Блуаский и Шартрский, один из предводителей крестоносцев, участвовавших в Четвертом Крестовом походе. Принял обет во время турнира в Экри. В Четвертый Крестовый поход Луи Блуаский отправился из своих клермонских владений в начале мая 1202 г.; по пути он подписал различные дарственные акты в пользу ряда церквей и монастырей, в частности цистерцианцев. По прибытии в долину р. По, возможно, намеревался, вопреки соглашению, заключенному с Венецией в 1201 г. и его послами, отбыть на Восток из какого-нибудь другого порта, но выехавшие ему навстречу граф Гюг де Сен-Поль и Ж. де Виллардуэн (они свиделись с ним в Павии) сумели его отговорить от этих намерений, и он направился в Венецию, хотя часть примкнувших к нему рыцарей из Пьяченцы избрала дорогу в Апулию (§ 51–54). В дальнейшем граф Луи Блуаский наряду с Бодуэном Фландрским, Гюгом де Сен-Полем и Бонифацием Монферратским выступал в числе главных военачальников крестоносцев, предопределявших все изменения маршрута похода. 14 апреля крестоносцы, в значительной мере вследствие самовольных действий Луи Блуаского, потерпели крупное поражение под Андринополем от куманов, союзников болгарского царя Калояна. Попытки Жана Фризского, одного из вассалов графа, который был тяжело ранен в бою, спасти своего сеньора не увенчались успехом – Луи Блуаский пал в этом сражении вместе со многими другими рыцарями (§ 357–361). В книге записей об усопших в шартрской церкви Пречистой Девы смерть этого знатного крестоносца датирована 15 апреля 1205 г.

³⁸ Адвент – в католицизме четырехнедельные торжественные литургические приготовления к Рождественским праздникам (от лат. «адвентус» – «пришедшие», т. е. «приход» Иисуса Христа в «мир»). Описываемые Жоффруа де Виллардуэном события датируются 28 ноября 1199 г.

³⁹ Виллардуэн, очевидно, не знал точного возраста собственного сюзерена: во времени турнира в Экри ему было на самом деле двадцать с половиной лет.

ций⁴⁰ и троюродными братьями⁴¹, а также, с другой стороны, племянниками короля Англии⁴².

4

Вместе с этими двумя графами взяли крест два весьма знатных барона Франции – Симон де Монфор⁴³ и Рено де Монмирай⁴⁴. Великая слава прошла по всем землям, когда

⁴⁰ Тибо III – по линии своей матери Марии, Луи – по линии своей матери Алисы: обе были двоюродными сестрами короля Филиппа II.

⁴¹ Тибо III – со стороны своего отца Анри I Шампанского, Луи со стороны своего отца Тибо Доброго: тот и другой – братья Алисы Шампанской, матери Филиппа II, короля Франции.

⁴² Матери того и другого (Мария и Алиса) являлись двоюродными сестрами Ричарда I, короля Англии. Тибо и Луи были троюродными братьями «вдвойне», как по линии своих матерей, так и по линии своих отцов.

⁴³ Симон IV, сеньор Монфора (Монфор л'Амори, современный департамент Сены и Уазы, округ Рамбуйе) и Эпернона с 1181 г., вассал французского короля и родич Матье де Монморанси. Принадлежал к видным участникам Четвертого похода, во времени осады Задара находился в оппозиции к главным предводителям крестоносцев. В конце 1202 г. отделился от войска и уехал в Венгрию, затем в Сирию. Спустя шесть лет Симон де Монфор, отказывавшийся в 1202 г. под религиозными предложениями воевать против христианского города, тем не менее встал во главе Крестового похода северофранцузского рыцарства против альбигойцев Южной Франции (кстати, вместе с некоторыми участниками задарской «опозиции» – Гюи де Монфором, Симоном де Нофлем и Робером Мовуазеном).

⁴⁴ Рено де Монмирай – вассал французской короны, сын Эрве II де Донзи, сеньора Донзи, Аньеля и Косна, находился в родстве с Луи Блуаским. Отправился в Крестовый поход в мае 1202 г.; до этого во «искупление прегрешений» перед монастырями совершил почетные дарения перед лицом всего капитула шартрского собора Св. Петра. В 1203 г., после взятия Задара по ходатайству Луи Блуаского был направлен в Сирию, откуда и не вернулся в обещанный срок. В хронике

эти два знатных мужа взяли крест.

5

Во владениях графа Тибо Шампанского крест приняли Гарнье, епископ Труа⁴⁵, граф Готье де Бриенн⁴⁶, Жоффруа

Виллардуэна его имя вновь всплывает уже после описания событий, связанных с завоеванием Константинополя. Рено де Монмирай участвовал в осаде Андринополя в апреле 1205 г. (§ 352) и погиб в битве с половцами 14 апреля 1205 г. (§ 361). В книге записей об усопших в шартрской церкви Пречистой Девы его кончина датирована 18 апреля.

⁴⁵ Гарнье де Труа (из семейства сеньоров Трэнель, современный департамент Об) впервые взял крест еще в 1197 г. и тогда же отправился в путь. По прибытии в Пьяченцу, узнав о гибели под Акрой своего сеньора, графа Анри II Шампанского, вернулся на родину, причем был освобожден папой от обета под условием выплаты определенной суммы на нужды Крестового похода. Однако весной 1199 г. епископ возобновил свой обет. Он был уже пожилым человеком, если судить по тому, что в документе, датированном еще 1104 г., упоминается его брат Понс. Гарнье Труасский принадлежал к числу тех церковнослужителей, которые в дальнейшем благословляли все завоевания крестоносцами христианских городов. В мае 1204 г. был среди шести выборщиков императора, представлявших крестоносцев. Умер в Константинополе 14 апреля 1205 г. Французский историк Ж. Лоньон, издавший в 1978 г. подробный справочник о «спутниках Виллардуэна» в Крестовом походе, характеризует этого епископа как «совесть крестоносцев».

⁴⁶ Готье III, граф Бриеннский – крупнейший из взявших крест вассалов графа Шампанского (Бриенн – к северо-востоку от г. Труа). Виллардуэн был вассалом Готье III. Сын, внук и правнук крестоносцев. Хотя Готье III и встал в ряды «пилигримов», но в дальнейшем, будучи целиком поглощен отвоеванием наследственных земель собственной супруги в Сицилии и Южной Италии (он был женат на дочери Танкреда де Лечче, короля Сицилийского), не участвовал в Четвертом Крестовом походе.

де Жуанвиль, который был сенешалом этой земли⁴⁷, Робер, его брат, Готье де Виньори, Готье де Монбельяр, Эсташ де Конфлан, Гюи дю Плесси, его брат, Анри д'Арзильер, Ожье де Сен-Шерон, Виллэн де Нюлли, Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский⁴⁸, Жоффруа, его племянник, Гийом де Нюлли, Готье де Фюлины, Эврар де Монтиньи, Манассье де л'Иль⁴⁹, Макэр де Сент-Менеу⁵⁰, Милон ле Бребан⁵¹, Гюи де

⁴⁷ Жоффруа V де Жуанвилль – сенешаль Шампанский, второй сенешаль из дома Жуанвиллей, племянник Готье III Бриеннского. Участвовал в Третьем Крестовом походе. Во время самих событий Четвертого Крестового похода Жоффруа V находился вне главного войска: минуя Венецию, он, вероятно, из Апулии уехал прямо в Сирию, где, по сообщению французского хрониста Альбрика де Труафонтэна, «совершил много подвигов». Накануне отъезда в Четвертый Крестовый поход, в 1201 г., совершил дарственные акты в пользу Клерво и других церковных учреждений. Скончался в замке Крак де Шевалье в конце 1203 или в начале 1204 г. Спустя полсотни лет его племянник, прославившийся впоследствии биограф Людовика IX сир Жан де Жуанвилль, разыскал в этом замке щит своего дяди, который привез во Францию и вывесил в церкви Св. Лаврентия в Жуанвилле, посвятив в своем жизнеописании Людовика IX эпитафию Жоффруа V.

⁴⁸ Здесь автор хроники упоминает самого себя. Биографические сведения о Жоффруа де Виллардуэне приводятся в качестве предисловия.

⁴⁹ Манассье де л'Иль (или де Лиль) – сеньор из Шампани, видный участник Крестового похода, вассал графов Шампанских. В походе снискал репутацию храброго рыцаря. Был видным советником при дворе первого латинского императора (носил титул «великого стольничьего»). В 1205 г. участвовал в подавлении восстания греков (§ 343–344), а после андринопольского поражения вместе с Виллардуэном сумел положить конец беспорядочному бегству уцелевших от разгрома и организовать отступление (§ 362). В рассказе об этом эпизоде имя Манассье фигурирует в записках последний раз, в документах из Шампани оно встречается еще в 1210–1214 гг. Робер де Клари ошибочно причисляет Манассье

Шапп, Кларембо, его племянник, Рено де Дампьер, Жан Фуанон и многие другие добрые люди, о которых книга нигде не упоминает⁵².

де л'Иль к вассалам Луи Блуаского.

⁵⁰ Макэр де Сент-Менеу – шампанский рыцарь, один из героев похода. Многократно упоминается в хронике. При разделе византийских земель получил от императора Никомидию (§ 312). Занимал видное положение при дворе Латинской империи (носил титул «хлебодара») и участвовал в военных операциях по удержанию за крестоносцами земель, которые находились под угрозой во время восстания греков в 1205–1206 гг. и войны с Калояном. Погиб в битве против никейского императора Иоанна Ватаца в 1224 г.

⁵¹ Милон ле Бребан – сеньор Шампани, довольно часто упоминаемый Виллардуэном, с которым он тесно соприкасался еще на службе при дворе графов Шампанских и совместно с которым выполнял разного рода дипломатические миссии во время Четвертого Крестового похода, а также участвовал в сражениях и служил при дворе латинских императоров. Милон ле Бребан состоял в свойстве с хронистом. Наряду с Виллардуэном и другими знатными сеньорами участвовал в церемонии принесения Тибо III оммажа Филиппу II Августу в качестве гаранта верности вассального договора (Мелэн, апрель 1198 г.). Принял крест в 1199 г. вместе с Тибо III. Был одним из послов во время переговоров с Венецией о перевозке крестоносцев «за море» в 1201 г. (§ 12–32). Вероятно, по поручению Иннокентия III вместе с Матье де Монморанси, Кононом Бетюнским и Готье де Годонвиллем распределял среди нуждавшихся крестоносцев соответствующие средства (в «Деяниях Иннокентия» упоминается под именем Милона «де Бреммон»). Во время похода, под Константинополем (1203 г.), действовал в боевом отряде шампанских рыцарей. С основанием Латинской империи принадлежал к группе главных советников Бодуэна I и Анри II; его имя многократно встречается в официальных документах первых государей Латинской империи. Он носил титул «бутелье» (кравчего), участвовал в боевых операциях против греков и болгар в 1206–1208 гг. (§ 430, 436, 465–470 и др.) и осуществлял различные дипломатические акции. Умер около 1224 г.

⁵² Смысл выражения неясен: имеется ли в виду какая-то «книга», с данными которой Виллардуэн сообразовывал свое повествование или в которой черпал

С графом Луи крест взяли Эрве дю Шатель, Эрве, его сын, Жан де Вирсэн, Оливье де Рошфор, Анри де Монтрей, Пэ́й-ан Орлеанский⁵³, Пьер де Брасье⁵⁴, Гюг, его брат, Гийом де

сведения? Скорее всего, речь идет о его собственном труде, который он и называет, в обычной манере средневековых авторов (ср. § 6, 7 и др., 129). Заметим попутно, что аналогичный перечень лиц, принявших крестоносный обет, приводит и другой французский хронист Четвертого похода – Робер де Клари, однако в то время как Виллардуэн перечисляет своих героев в хронологии принятия ими крестоносного обета, пикардийский рыцарь, не зная этой последовательности, упоминает лишь о происхождении или владениях рыцарей, притом иногда с ошибками.

⁵³ Пэ́йан Орлеанский – рыцарь из старинного феодального семейства. Пэ́йан – его кличка, а не имя («язычник»). Владения этого крестоносца находились вблизи Орлеана.

⁵⁴ Пьер де Брашэ (у Виллардуэна – Брасье) – вассал Луи Блуаского из Клермонского графства, сын Гюга де Брашэ и брат Гюга, взявшего крест одновременно с ним. Отправился в поход позднее своего сюзерена, присоединившись к крестоносному войску в конце 1202 г., уже после захвата Задара, вместе с Матье де Монморанси и Бонифацием Монферратским (§ 91). Один из самых воинственных участников похода, снискавший репутацию храбреца как среди крестоносцев, так и у греков, а равно и болгар. Робер де Клари в своих записках дважды расточает ему похвалы за отвагу, Никита Хониат называет его человеком «героической силы», превосходившим остальных «необычным ростом и прославившимся благородной твердостью души». Впрочем, Роберт де Клари по недоразумению причисляет Пьера де Брашэ к «французам», т. е. к жителям Иль-де-Франса. В действительности он входил в отряд Луи Блуаского (§ 305). При отступлении остатков рыцарских отрядов, разбитых 14 апреля 1205 г. куманами, Пьер де Брашэ возглавлял арьергард. Летом 1205 г. участвовал в осаде Андринополя, предпринятой регентом Анри д'Эно, был тяжело ранен камнем в голову, но выжил (§ 396) и в дальнейшем, в 1206–1208 гг., с неослабевшим пылом при-

Сэн, Жан Фриэзский, Готье де Годонвилль, Гюг де Кермерэ, Жоффруа, его брат, Эрве де Бовуар, Робер де Фрувиль, Пьер, его брат, Орри де л'Иль, Робер дю Картье и многие другие, о которых книга не упоминает⁵⁵.

7

Во Франции⁵⁶ крест взяли Невелон, епископ Суассонский⁵⁷, Матье де Монморанси⁵⁸, Гюи, шателен де Куси, его

нимал участие сперва в подавлении «мятежных» греков, затем в войнах против Калояна и Борила. В 1209 г. вернулся на короткое время в Бовези, но вскоре вновь уехал в Малую Азию. Попал в плен к Феодору Ласкарю, который, судя по письму Анри д'Эно к Иннокентию III, приказал живьем содрать с пленника кожу. Во французской историографии обычно прославляется как «герой и мученик» Четвертого Крестового похода.

⁵⁵ Жан Фриэзский – рыцарь из Фриэза (в 7 лье западнее Шартра, близ Перша). Входил в состав посольства, ведшего в 1201 г. переговоры с Венецией о перевозке за море. Перед отправлением в Крестовый поход, в 1200–1202 гг., уступил некоторым шартрским церквам и аббатствам ряд своих имущественных и юридических прерогатив (сбор денежных пошлин и др.). После взятия Задара был избран одним из послов, направленных к папе римскому, чтобы испросить «прощение» крестоносцам за это «деяние» (§ 105). Во время пребывания крестоносцев на Корфу в мае 1203 г. выступал за поход на Константинополь. В битве под Андринополем 14 апреля 1205 г. пытался спасти своего сюзерена Луи Блуаского, упавшего с коня и тяжело раненного, пересадив его на свою лошадь. Погиб в сражении (§ 359, 361). Готье де Годонвилль – вассал Луи Блуаского. Входил в состав посольства, направленного его сюзереном в Венецию для ведения переговоров о найме флота (§ 12). Упоминается хронистом только в данной связи, так что неизвестно, принял ли этот рыцарь участие в походе.

⁵⁶ См. выше, примеч. 5.

⁵⁷ Нивелон де Кьерзи (на р. Уазе, современный департамент Эн, округ Лаон, кантон Куси-ле-Шато), епископ Суассонский (1176–1207), видный церков-

племянник, Робер де Ронсуа, Ферри д'Иерр, Жан, его брат,

ный деятель, сопровождавший войско крестоносцев. С конца XII в. был связан с проштауфенской политикой Филиппа II Августа. Именно Нивелон «возложил крест» на плечи Бонифация Монферратского (§ 44). После захвата Задара крестоносцами возглавлял направленное ими посольство в Рим, добивавшееся снятия папского отлучения (§ 105). Во время избрания государя Латинской империи Нивелон объявил крестоносцам результаты голосования в коллегии выборщиков, уполномоченных для этой цели, – избрание Бодуэна Фландрского (§ 260). В 1205 г., когда крестоносцы были разбиты болгарским царем Калояном при Андринополе, Нивелон в качестве одного из послов, уцелевших после Андринопольской битвы, поехал в Рим, во Францию, Фландрию и т. д. за помощью для Латинской империи (§ 388). В 1207 г. отправился было в обратный путь, но по дороге заболел и умер в Бари. Виллардуэн всегда упоминает об этом церковнослужителе в благосклонном тоне и с почтительностью.

⁵⁸ Матье де Монморанси – младший сын коннетабля Франции Матье I и дочери английского короля Генриха I – Алисы. По своим фьефам Марли и Феррьер, близ Ланьи, был вассалом графов Шампани. Иннокентий III поручил Матье де Монморанси (вместе с Кононом Бетюнским, Милоном ле Бребаном и Готье де Годонвиллем) распределить между рыцарями средства, собранные на нужды Крестового похода. Из-за болезни задержался в 1202 г., как и Этьен дю Перш, в Венеции, но, в отличие от него, присоединился к войску в Задаре (§ 79, 91). Выступал сторонником похода на Константинополь (Гюг де Сен-Поль в письме к герцогу Анри Лувенскому называет имя Матье де Монморанси первым в перечне десятка с лишним знатных рыцарей, ратовавших за изменение направления похода). Во время осады Константинополя в июле 1203 г. командовал пятым боевым отрядом (из шампанцев) (§ 150). В день штурма города 17 июля 1203 г. ему было поручено во главе с шампанцами и бургундцами охранять лагерь под командованием Бонифация Монферратского (§ 170). Вскоре после восстановления на престоле Исаака II Ангела был направлен к нему вместе с Жоффруа де Виллардуэном и двумя венецианцами, чтобы добиться от василевса подтверждения обязательств, принятых царевичем Алексеем (§ 184). Вскоре после этого умер. Рассказывая о захоронении его тела в константинопольской церкви госпитальеров, Виллардуэн отзывается о Матье де Монморанси как об «одном из лучших рыцарей королевства Франции» (§ 200).

Готье де Сен-Дени, Анри, его брат, Гийом д'Онуа, Робер Мо-
вуазэн, Дрюэ де Крессонсак, Бернар де Морей, Ангерран де
Бов, Робер, его брат⁵⁹, и многие другие добрые рыцари⁶⁰, о
которых книга здесь умалчивает.

⁵⁹ Ангерран де Бов – сеньор Бова (в 5 км от Амьена). Участвовал в Третьем Крестовом походе, сопровождая своего отца, Робера де Бова, погибшего при осаде Акры в 1191 г. Зять Жана Йельского, шателена Брюгге. Под Задаром отделился от войска (вслед за Симоном де Монфором). Позднее, в 1219 г. принимал участие в осаде Дамиецты во время Пятого Крестового похода. Робер де Бов – сеньор Фуанкампа, в 3 км юго-восточнее Бова. Во время осады Задара крестоносцами был уполномочен группой сеньоров, противников войны с христианским городом, уговорить его жителей, чтобы они отказались от намерения сдаться на милость Венеции (§ 81). После захвата Задара вместе с епископом Нивелонским, Жаном Нуайонским и Жаном Фриэзским отправился в Рим испросить у папы «отпущение грехов», но, в отличие от остальных послов и в нарушение принятого всеми послами обязательства, уже не вернулся в войско, а уехал в Сирию (§ 105, 106). В 1209 г. возвратился во Францию.

⁶⁰ Робер де Клари относит к «французам» Рауля д'Онуа, о котором Виллардуэн вовсе умалчивает, и Пьера де Брасье, который, как и его брат Гюг, на самом деле являлся вассалом Луи Блуаского.

Тибо Шампанский

8

С наступлением следующего Великого поста, в день, когда посыпают на голову пепел⁶¹, в Брюгге крест взяли Бо-

⁶¹ 23 февраля 1200 г., в первую среду Великого поста (ежегодный многоднев-

дуэн⁶², граф Фландрии и Эно, и графиня Мария, его супруга, которая приходилась сестрой графу Тибо Шампанскому. Затем крест взяли Анри, его брат⁶³, Тьерри, его племянник,

ный весенний запрет на употребление мясной, молочной и рыбной пищи). По установлениям католицизма священник в этот день во время богослужения осыпает головы молящихся пеплом от сожженных сухих веток вербы, оставшихся от прошлогоднего праздника Вербного воскресенья. Обряд сопровождается произнесением по-латыни библейской формулы, требующей от человека помнить, что он сотворен из праха и после смерти возвратится в прах (Екк., гл. I, ст. 7). Это ритуальное действие восходит к раннему христианству. В Библии пепел символизирует скорбь и покаяние.

⁶² Бодуэн IX, граф Фландрии и Эно, – один из главных вождей крестоносцев. Сын Бодуэна V д'Эно и Маргариты Эльзасской, унаследовавшей Фландрию. Вассал французского короля (по Фландрии) и германского императора (по Эно). Принял крестоносный обет в Брюгге 23 февраля 1200 г. Вместе с Тибо III Шампанским и Луи Блуаским направил в Венецию послов (Конона Бетюнского и Ала-ра Макеро) (§ 12–22). Участвовал в совете баронов в Суассоне в июне 1201 г. (§ 40). Снарядил в то же время на свои средства флот (§ 48) и выдал значительные суммы отдельным рыцарям для участия в походе (§ 54). Накануне отъезда в марте – апреле 1202 г. совершил дарственные акты в пользу церковных учреждений и отменил ряд поборов с городов (Брюгге, Куртрэ, Ипра, Лилля и др.). Отбыл в Венецию 14 апреля 1202 г. и приехал туда в начале июля 1202 г. При разделе византийских земель императору достались Восточная Фракия и ряд районов в Малой Азии, где он учредил герцогство Никейское, пожаловав его в фео-д Луи Блуаскому (§ 304, 306–307, 310, 312, 314–316). В марте 1205 г. вступил в жестокую борьбу с восставшими против латинского ига греками, осадил Андринополь (§ 336–337, 339, 340–342, 344, 347–350). 14 апреля был наголову разбит Калояном в битве при Андринополе (§ 360, 364, 370, 380, 384, 385, 387, 389, 390, 398, 402, 403, 421, 423, 428, 430, 434).

⁶³ Анри, брат Бодуэна Фландрского (ок. 1176–11 июня 1216), – третий сын Бодуэна V д'Эно и Маргариты Эльзасской, графини Фландрии. Во время осады Константинополя командовал вторым боевым отрядом (вместе с Бодуэном и Гюгом де Сен-Полем) (§ 148). После захвата Константинополя активно участвовал

который был сыном графа Филиппа Фландрского⁶⁴, Гийом Бетюнский, поверенный⁶⁵, Конон, его брат⁶⁶, Жан Нельский,

в завоевании византийских земель летом – осенью 1204 г. по обе стороны Дарданелл. Отозванный из Малой Азии ввиду восстания греков во Фракии, прибыл слишком поздно: в Родосто он встретил уже остатки отступавшего после андринопольского разгрома войска. Став сперва регентом (§ 385), а 20 августа 1206 г. императором Латинской империи, неудачно воевал против греков и болгар.

⁶⁴ Тьерри, племянник Бодуэна Фландрского, – внебрачный сын фландрского графа Филиппа Эльзасского, чья сестра Маргарита была матерью Бодуэна IX. Иными словами, Тьерри приходился ему двоюродным братом. При отплытии в Крестовый поход был назначен вместе с Жаном Нельским и Николя де Майном командующим фламандским флотом (§ 48). Из Марселя отправился в Сирию, откуда приехал в Константинополь в 1204 г., уже после избрания Бодуэна IX латинским императором. Филипп Эльзасский, граф Фландрский (1157–1191).

⁶⁵ Гийом II Рыжий (год рождения неизвестен – 13 апреля 1213), сеньор Бетюна (l'avoez) и Термонда (поверенный из Арраса), сын Робера V Бетюнского и Аэль де Сен-Поль, приходившийся, таким образом, двоюродным братом графу Гюгу IV де Сен-Полю и Бодуэну IX Фландрскому. После разгрома крестоносцев у Андринополя вернулся в том же году во Францию. L'avoez (от лат. advocatus) – должностное лицо, представляющее перед светскими властями тот или иной монастырь или иное церковное учреждение.

⁶⁶ Конон Бетюнский – видный сеньор из Фландрии, сын Робера V Аррасского, игравший значительную роль в политике предводителей Четвертого Крестового похода в 1202–1204 гг., а затем и в делах Латинской империи. Участвовал вместе с отцом в Третьем Крестовом походе. Видам (должностное лицо, представлявшее интересы епископа) Шартрский и шателен (во Франции XI–XIII вв. лицо, обладающее в пределах данной феодальной территории судебными прерогативами) де Куси. Автор любовных и других кансон, в том числе двух об этом походе. В 1201 г. в числе других послов, направленных баронами в Венецию, вел с ее дожем переговоры о фрахте кораблей (§ 12). Был назначен Иннокентием III вместе с еще тремя рыцарями содействовать распределению между нуждавшимися крестоносцами денег, собранных для их надобностей. Отличался красноречием. Ему неоднократно поручали вести переговоры с греками. Ко-

шателен Брюгге⁶⁷, Ренье Тритский⁶⁸, Ренье, его сын, Матье де

нон занял высокое положение в Латинской империи – при Бодуэне IX и при Анри д'Эно, когда носил заимствованный крестоносцами в византийской административной терминологии титул протовестиария (его функции были равнозначны обязанностям западного сенешаля). Дипломатические и военные способности этого рыцаря нашли применение в Латинской империи и в последующие годы. После смерти императора Анри д'Эно бароны избрали Конона Бетюнского правителем империи, а затем вторично – после кончины в 1217 г. императрицы Иоланты Куртенэй.

⁶⁷ Жан де Нель – знатный фламандский феодал. Шателен Брюгге, вассал графа Фландрии, сеньор Фальфи (современный департамент Соммы, округ Перонны, кантон Нель) и Эрель (современный департамент Уазы, округ Клермон, кантон Бретэй). Во время сборов в Четвертый поход весной 1202 г. Жану де Нель и Тьерри, племяннику Бодуэна IX, поручили командовать флотом, двинувшимся из Фландрии и зазимовавшим затем в Марселе. Они должны были подождать прибытия крестоносцев Бодуэна IX в Модоне (Юго-Западный Пелопоннес). Не дождавшись сюзерена, Жан де Нель уехал в Сирию (§ 48, 102).

⁶⁸ Ренье де Трит (Три-Сен-Лежэ в графстве Эно, в лье юго-восточнее Валансьенна), близкий к Бодуэну IX. При разделе византийских земель осенью 1204 г. Ренье Тритский получил «герцогство Финепополь» (§ 304). Отправившись туда (девять дней пути от Константинополя) с отрядом в сотню с небольшим рыцарей, в числе которых было немало его родичей, он овладел большей частью «пожалованной» ему территории и ввиду угрозы со стороны Калояна был признан греками своим сеньором (§ 311). Затем, когда во Фракии вспыхнуло восстание греческого населения (март 1205 г.), родственники Ренье Тритского (тезка-сын, брат, зять, племянник) покинули сюзерена, увлекши за собой 30 рыцарей: все они попали в плен к грекам, передавшим их Калояну, по приказу которого пленным отрубили головы (§ 345). После этого от Ренье Тритского отъехали еще 80 рыцарей (§ 346). Поскольку финепопольские павликиане перешли на сторону Калояна, Ренье Тритский оставил Финепополь и с 15 рыцарями укрепился в крепости Станемак, которую удерживал в течение 13 месяцев (§ 400), пока на выручку ему в июле 1206 г. не пришел рыцарский отряд под командованием Жоффруа де Виллардуэна.

Валинкур⁶⁹, Жак д'Авень⁷⁰, Бодуэн де Бовуар⁷¹, Гюг де Бом-эц, Жерар де Маншикур, Эд де Ам, Гийом де Гоменьи, Дрюэ де Борэн, Роже де Марк, Эташ де Собрюик, Франсуа де Колеми, Готье де Бузи, Ренье де Моне, Готье де Томб, Бернар де Субренжъен и многие добрые рыцари, о которых книга не говорит.

9

Затем взял крест граф Гюг де Сен-Поль⁷². С ним приняли

⁶⁹ Матье де Валинкур – сеньор из Эно (Валинкур – в 3 лье юго-восточнее Камбрэ). При осаде Константинополя в июле 1203 г. сражался во втором боевом отряде (фламандцы) с Анри д'Эно. Осенью 1204 г. был направлен вместе с Макэром де Сент-Менеу в Малую Азию, где они захватили Никомидию и вступили в войну против византийского магната Феодора Ласкаря (§ 312). С началом восстания фракийских греков первыми соединились с Бодуэном IX и осадили Андринополь. Матье де Валинкур был убит в сражении с куманами.

⁷⁰ Жак д'Авень – сеньор Ландреси, в 2 лье западнее Авеня.

⁷¹ Бодуэн де Бовуар (или Боревуар) – рыцарь, местоположение владений которого неясно: часть исследователей полагают, что они находились в Боревуаре (в лье севернее Мон-Сен-Мартэн, другие – в Бовуази-ан-Камбрези (современный департамент Нор, округ Камбрэ, кантон Карниер).

⁷² Гюг де Сен-Поль – один из главных предводителей Четвертого Крестового похода. Сен-Поль-ан-Тернуа – центр графства, до 1191 г. подвассального Фландрии, затем французской короне. Гюг де Сен-Поль участвовал в Третьем Крестовом походе. Став в 1191 г. вассалом Филиппа II Августа, получил от него в 1194 г. много фьефов за верную службу. Вновь взял крест в 1200 г. Летом 1201 г., после смерти Тибо III Шампанского, принимал участие в совете баронов в Суассоне, решившем избрать главнокомандующим Бонифация Монферратского (§ 40). В мае 1202 г., накануне отправления в поход, совершил дарение аббатству Св. Спасителя, за что получил 350 парижских ливров. По прибытии в Венецию был послан вместе с Жоффруа де Виллардуэном навстречу Луи Блуаскому в Павию

крест Пьер Амьенский, его племянник⁷³, Эсташ де Кантелэ, Николя де Майи, Ансо де Кайо, Гюи де Удэн, Готье Нельский, Пьер, его брат, и многие другие люди, коих мы не знаем⁷⁴.

уговорить его явиться в Венецию (§ 53). Ввиду нехватки денег для уплаты Венеции Гюг де Сен-Поль, подобно Бодуэну Фландрскому и Луи Блуаскому, внес долю из своих средств, а также за счет взятого в долг (§ 61). В январе 1203 г. в Задаре подписал в числе других вождей договор с послами царевича Алексея (§ 98–99). В мае 1203 г. на Корфу приложил вместе с другими вождями немало стараний, чтобы ликвидировать «оппозицию» со стороны противников похода на Константинополь (§ 115–116). В марте 1204 г. подписали вместе с Бонифацием Монферратским, Бодуэном Фландрским и Луи Блуаским договор с венецианцами о разделе империи. Судя по рассказу Виллардуэна, проявил суровость при разделе добычи, приказав повесить со щитом на шее одного из своих рыцарей, присвоившего себе часть добычи (§ 255). Участвовал в церемонии коронации Бодуэна I в Св. Софии, неся его меч. При разделе фьефов получил Дидимотику (§ 335) и должность коннетабля. Вскоре умер от острого подагрического приступа и был погребен в церкви Св. Георгия на Манганах (§ 334), в гробнице императрицы Склирины (сообщение Никиты Хониата). Впоследствии его останки перевезли во Францию и захоронили в аббатстве Серкам (современный департамент Па-де-Калэ, округ Сен-Поль-сюр-Тернуаз).

⁷³ Пьер Амьенский – один из предводителей рыцарства области Амьенуа, принадлежал к семейству шателенов Амьена. Старший сын Дрэ Амьенского, участника Третьего Крестового похода. Пьер Амьенский входил в отряд Гюга де Сен-Поля, хотя его фьеф Виньянкур (близ Доллана) находился в Амьенуа, являвшемся частью королевского домена. Пьер Амьенский представлен в этом перечне племянником графа де Сен-Поля, а ниже, в § 291, назван его двоюродным братом.

⁷⁴ Робер де Клари «поместил» в рыцарский отряд, сформировавшийся в Амьенуа: Ангеррана де Бов (по Виллардуэну же, этот рыцарь был «французом»), трех его братьев (Виллардуэн упоминает лишь одного из них – Робера), Валеса, де Фриуз и Бодуэна де Каварон (последнего Виллардуэн не упоминает вовсе).

10

А уж потом взяли крест граф Жоффруа Першский⁷⁵, Этьен, его брат, Ротру де Монфор, Ив де ла Жай, Эмери де Вильруа, Жоффруа де Бомон и многие другие, чьих имен я не ведаю.

11

Затем бароны держали совет в Суассоне⁷⁶, чтобы определить, когда они хотели бы двинуться в путь и куда хотели бы отправиться. Они не смогли в тот раз достигнуть согласия, потому что им казалось, что у них нет еще достаточного числа людей, принявших крест. Не прошло и двух месяцев в том

⁷⁵ Жоффруа Першский (год рождения неизвестен – 1202) – граф Жоффруа III, сын Ротру III, графа дю Перш, и Маго, дочери Тибо II Шампанского, следовательно, двоюродный брат крестоносцев Тибо III Шампанского и Луи Блуаского. Ветеран Крестовых походов – вместе со своим отцом принимал участие в осаде Акры, где тот и погиб в 1191 г. По возвращении во Францию, в которой разгорелась вражда Филиппа II Августа с Ричардом Львиное Сердце, встал на сторону французского короля. В 1200 г. участвовал в советах баронов-крестоносцев в Суассоне и Компьене, в 1201 г. – в совете в Суассоне, избравшем Бонифация Монферратского предводителем войска (§ 40). В поход не успел отправиться, ибо заболел и умер между 27 февраля и 7 апреля 1202 г. По завещанию поручил командовать своими рыцарями и распоряжаться своими деньгами брату Этьену, от чего крестоносцы, по мнению Виллардуэна, остались в проигрыше, ибо Этьен покинул войско (§ 46).

⁷⁶ Суассон – город во Франции на р. Эн. Епископом его был Нивелон, часто упоминаемый в хронике. В Суассоне состоялись на протяжении 1200–1201 гг. три совета баронов, где были решены главные вопросы, связанные с подготовкой и организацией Четвертого Крестового похода.

же году, как они собрались на совет в Компьене⁷⁷. Там были все графы и бароны, которые приняли крест. Здесь сказаны, выслушаны и поданы были разные советы; но окончательное решение было таково, чтобы направить лучших послов, каких только могли бы сыскать, и предоставить им все полномочия предпринимать любые действия как сюзеренам.

⁷⁷ Компьен – город во Франции на р. Уазе. Состоявшийся в нем совет баронов постановил направить послов в Венецию для переговоров о перевозе крестоносцев «за море».

**[Переговоры и соглашение с
Венецией о перевозе «за море».
Сборы в поход (1200 – май 1202 г.)]**

12

Из этих послов двух послал Тибо, граф Шампани и Бри; и Бодуэн, граф Фландрии и Эно, двух; и Луи, граф Блуаский, двух. Послами графа Тибо были Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский⁷⁸, и Милон ле Бребан; а послами графа Бодуэна были Конон Бетюнский и Алар Макеро; и послами графа Луи – Жан Фриэзский и Готье де Годонвиль⁷⁹.

13

Этим шестерым они полностью поручили заботу о своем деле, выдав им хорошие висячие грамоты⁸⁰, которые удостоверяли, что они твердо выполняют те условия, которые заключат

⁷⁸ Автор говорит здесь о самом себе – вероятно, он был главой посольства.

⁷⁹ Менее осведомленный Робер де Клари, не сообщая о численности посольства, называет в качестве послов крестоносцев только двух лиц – Конона Бетюнского и Жоффруа Виллардуэна. Перечень имен шести послов, направленных баронами в Венецию, совпадает с соответствующим текстом договора о перевозе (апрель 1201 г.). По данным венецианских хронистов, в составе посольства якобы было 10 человек.

⁸⁰ Феодальные сеньоры XII–XIII вв. по большей части были неграмотны и не всегда могли начертать даже свое имя; в официальных актах подпись скреплялась восковой печатью. С начала XII в. вместо восковой печати стали сплошь и рядом прикреплять к грамотам металлическую (позолоченную или оловянную) буллу: она соединялась с пергаментом шнурком, или «язычком», вырезанным из самого пергамента (такой «язычок» назывался «хвостом»). Верительные грамоты баронов, скрепленные подобным образом, именовались «висячими грамотами» (*chartes pendans*) – о них-то и идет речь у Виллардуэна.

эти шестеро в каких-либо морских портах, в любом месте, куда ни явятся.

14

Шесть послов отправились, как вы слышали, и держали совет между собой, и пришли к согласию друг с другом в том, что в Венеции они смогут найти гораздо большее количество судов, чем в каком-либо другом порту⁸¹. И они пустились в дорогу и ехали от одного места до другого⁸², пока в первую неделю Великого поста⁸³ не прибыли.

15

Дож Венеции⁸⁴, которого звали Энрико Дандоло и кото-

⁸¹ Согласно хронике «Константинопольское опустошение» Венецию им посоветовал выбрать для переговоров о предоставлении флота папа Иннокентий III. По рассказу же Робера де Клари, послы сперва отправились в Геную и Пизу, что, вероятнее всего, соответствует действительности (см. ниже, § 32). Аноним Гальберштадтский, немецкий хронист, считает, что послов сопровождал в Венецию Бонифаций Монферратский, однако сведения этого хрониста приобретают достоверность лишь с повествования о событиях после 15 августа 1202 г., когда он вместе с епископом Конрадом фон Крозигом сам прибыл в Венецию; сообщения его о более ранних фактах сомнительны.

⁸² Здесь и далее Виллардуэн часто употребляет старинный идиоматический оборот «ехали par lor jornees», сохраняющийся в иной форме и в современном французском языке («aller a grandes journees»).

⁸³ Между 4 и 11 февраля.

⁸⁴ Дож – титул главы Венецианской республики с 697 г. Дож избирался пожизненно венецианским патрициатом путем многостепенных выборов и располагал большой властью. События, рассказываемые Виллардуэном, приходятся на вре-

рый был человеком весьма мудрым и доблестным⁸⁵, принял их с большим почетом – и сам он, и другие люди; и все встретили их очень хорошо. И когда они предъявили грамоты своих сеньоров, венецианцам было очень любопытно узнать, для какого дела они прибыли в их землю. То были верительные грамоты, и графы писали, чтобы их послам верили бы, словно лично им самим, и что они, графы, примут все условия, что эти шестеро учинят.

мя расцвета этого института в Венеции (XI – середина XIII в.).

⁸⁵ Имеются в виду, конечно, не воинская доблесть, а интеллектуальные и нравственные достоинства дожа. Виллардуэн, подобно другим западным хронистам, именует Энрико Дандоло привычным во Франции титулом «дюк Венеции» (*li dux de Venise*): слово это – французский вариант итальянского термина «дож», оба происходят от латинского «дуке» (*dux* – герцог, вождь), в русских летописях – «дуж». Энрико Дандоло (Виллардуэн переделывает его имя на французский лад «Анри Дандоль») – венецианский дож с 21 июня 1192 г. Принадлежал к патрицианскому семейству Дандоло, которое упоминается в венецианских документах еще в X в. Это семейство, игравшее заметную роль в политической жизни Венеции с последней четверти XII в., дало республике в XII–XIV вв. четырех дождей (Энрико, Джованни, Франческо, Андреа). Энрико Дандоло, действуя в интересах торгово-аристократических верхов республики, энергично добивался установления господства Венеции в левантийской торговле. Ко времени начала Крестового похода ему было 92 года. Энрико Дандоло по праву считается основателем венецианской колониальной державы. Его преемники в течение 150 лет продолжали носить громкий титул государей «четверти и полчетверти Римской империи». В своей хронике Виллардуэн довольно часто и много говорит о «деяниях» дожа, которого всегда упоминает с симпатией и почтительностью.

Четвертый Крестовый поход

16

И дож ответил им: «Господа, я ознакомился с вашими грамотами. Мы удостоверились в том, что сеньоры ваши являются самыми знатными лицами из тех, кто не носит короны⁸⁶. И они просят нас доверять вам во всем, что бы вы нам

⁸⁶ То есть самыми знатными среди некоронованных особ: корону носили толь-

ни сказали, и считать прочным все, что вы учините⁸⁷. Говорите же, что вам угодно».

17

И послы ответили: «Государь, мы желаем, чтобы вы созвали свой совет⁸⁸; и перед вашим советом мы скажем вам, о чем просят вас наши сеньоры, завтра, коли вам угодно»⁸⁹. И дож ответил им, что он просит у них отсрочки до четвертого дня, и что тогда он соберет свой совет, и что они смогут сказать, чего хотят.

18

Они переждали до четвертого дня, который он им уста-

ко короли и императоры, а герцоги, графы и бароны в начале XIII в. ее не имели.

⁸⁷ То есть верить в то, что условия, на которые согласятся послы, будут твердо выполнены сеньорами, от имени которых они действуют.

⁸⁸ Речь идет о Синьории – Малом, или частном, совете при доже, состоявшем из шести человек.

⁸⁹ Действительно, послы, как видно из дальнейшего рассказа, изложат свои просьбы дожу в присутствии «совета» (§ 18), затем Энрико Дандоло заявит, что дело надлежит доложить «Великому совету и всему народу» (§ 20). После этого будут созваны Великий совет, а потом и другие, все более многочисленные совещания – с числом участников от сотни до двух тысяч (§ 25). И когда грамоты, скрепив их подписями, предъявят, то Дандоло будет находиться в окружении Малого и Великого совета, состоявшего из 40 человек (§ 31). То, что Виллардуэн называет более многочисленными совещаниями, – это, с одной стороны, так называемый совет приглашенных (*pregadi*), иначе – Великий совет, который насчитывал в своем составе свыше 500 человек, а с другой – народное собрание (типа вече). См. также примеч. 112.

новил. Они вошли во дворец, который был весьма богат и прекрасен⁹⁰, и нашли дожа и его совет собравшимися в особом покое и изложили данное им поручение таким образом: «Государь, мы прибыли к тебе от знатных баронов Франции, которые приняли крест, чтобы отмстить за поругание, učinенное над Иисусом Христом, и отвоевать Иерусалим, если соизволит то Бог. И поелику они знают, что никакой другой народ не имеет столь великого могущества, как вы и ваш народ, чтобы оказать им содействие, то они просят вас, во имя Бога, чтобы вы сжалились над Заморской землею⁹¹ и отомстили за поругание над Иисусом Христом и чтобы вы решили, как они смогли бы получить у вас суда и корабли для перевоза»⁹².

19

«А на каких условиях?» – спросил дож. «На любых условиях, – сказали послы, – какие бы вы им ни предложили или ни присоветовали, лишь бы они могли их исполнить». – «Ра-

⁹⁰ Древнейшее здание Дворца дождей было возведено в VIII в. на том же самом месте, где стоит нынешний дворец, с тех пор подвергшийся пятикратным перестройкам.

⁹¹ Заморская земля, *Terre d'outre-mer* – общее обозначение стран Востока у латинских (западноевропейских) хронистов. При этом для отдельных регионов применялись уточненные названия: Святой Заморской землей (*Sainte Terre d'outre-mer*) назывались Сирия и Палестина, а Египет и Малая Азия – Вавилонией.

⁹² Выражение «avoir navie et estoire» означает у Виллардуэна «получить флот».

зумеется, – сказал дож, – дело, которое они у нас просят, – великое дело, и кажется, что они замыслили важное предприятие. И мы дадим вам ответ через восемь дней от сегодняшнего дня. А вы не удивляйтесь, если срок так долог, ибо надобно как следует обдумать столь великое дело».

20

В срок, который дож им назначил, они вернулись во дворец. Я не мог бы передать вам все слова и речи, которые были там сказаны и произнесены. Однако конец говоренного был таков: «Сеньоры, – сказал дож, – мы сообщим вам решение, которое мы приняли, коль скоро сумеем склонить наш великий совет⁹³ и весь народ земли нашей одобрить его; а вы посоветуйтесь друг с другом, сможете ли согласиться на то, чтобы принять наши условия.

21

Мы поставим юиссье⁹⁴, могущие перевезти 4500 коней и

⁹³ Власть дожа контролировалась, как уже отмечалось выше (см. примеч. 67), Большим, или Великим, советом, в ведении которого находились наиболее важные дела государственного управления, и Малым советом, который являлся своеобразным исполнительным комитетом при доже.

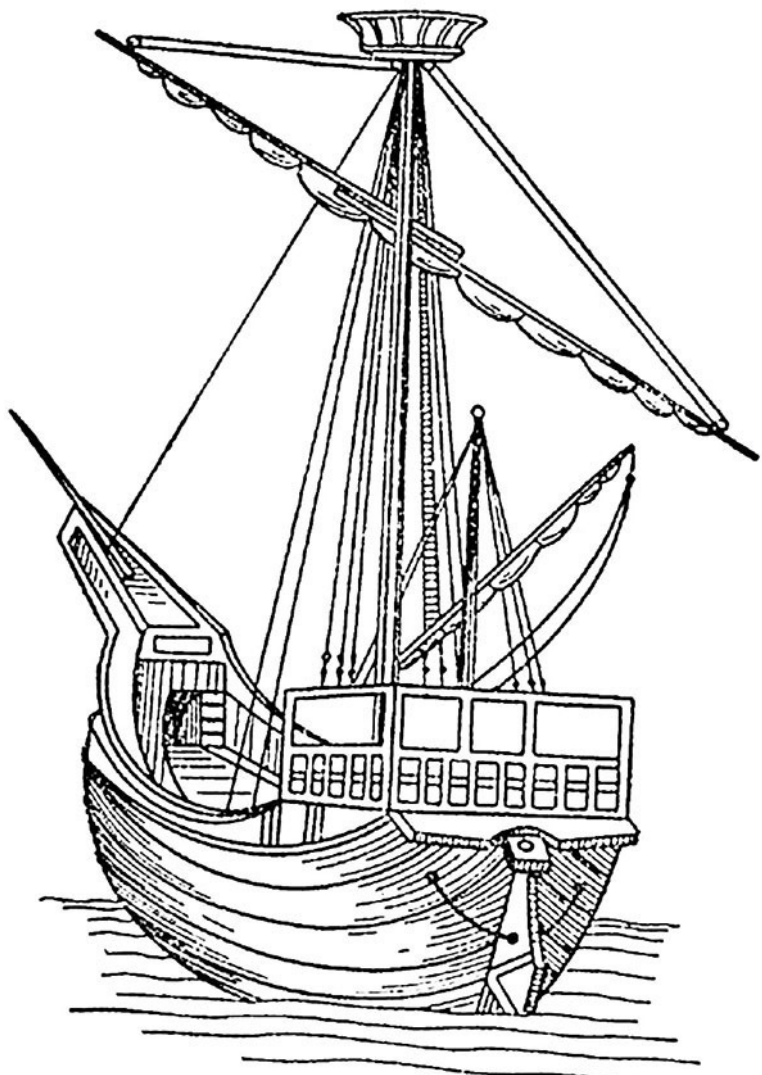
⁹⁴ Юиссье – транспортные или грузовые парусные корабли с глубоким трюмом, в который по перекидному мостику, через дверцы в кормовой части корпуса корабля (дверцы назывались *huís*, отсюда – название этих судов) можно было вводить коней прямо с причала или, напротив, выводить на берег.

девять тысяч оруженосцев, и нефы⁹⁵ для перевоза 4500 рыцарей и двадцати тысяч пеших ратников. И условие для всех этих коней и этих людей будет такое, что они получат прокорм и провиант на девять месяцев. Вот что мы сделаем по самой низкой цене, а именно на том условии, что нам заплатят за каждого коня четыре марки и за каждого человека две марки⁹⁶.

⁹⁵ Нефы – крупные, тяжеловесные, вместительные суда круглой формы, с несколькими мачтами и большими парусами, крепившимися с помощью громадных рей («антенн»). Для повышения устойчивости нефа на плаву в носовой и кормовой частях сооружались деревянные башни («крепости», или «замки», – «шато»). Нефы двигались медленно и отличались слабой маневренностью, неповоротливостью, управление ими требовало большого умения и опыта.

⁹⁶ Марка – денежная единица, равная (в XIV в.) приблизительно стоимости 234 г серебра. Сравнение подлинного текста договора Венеции и крестоносцев (его русский перевод опубликован в кн.: *Заборов М. А.* История Крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 169–175) с сообщениями Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари показывает, что маршал Шампанский гораздо более точен в передаче условий договора. Несовпадения с документальным текстом, встречающиеся в повествовании Виллардуэна, сводятся к следующему. В соответствии с договором Венеция обязывалась обеспечивать крестоносцев провизией в течение одного года, по сведениям же хрониста – девяти месяцев. Сумма платы за фрахт составляла, по договору, 85 тыс. марок, а Виллардуэн называет 94 тыс. марок (§ 22). Хронист ничего не говорит о времени, определенном для оплаты фрахта, в тексте же документа ясно установлены четыре срока: первый взнос следовало уплатить к августовским календам (1 августа) 1201 г., второй – к Празднику Всех Святых (1 ноября) 1201 г., третий – ко 2 февраля 1202 г., четвертый – в течение апреля 1202 г. С другой стороны, договор умалчивает о таксе уплаты за перевоз одного человека и одного коня, Виллардуэн же называет ее конкретные цифры: четыре марки за коня и две – за человека. В тексте договора употребляются аналогичные французским латинские термины для обозначения типов кораблей, которые венецианцы обязались поставить

крестоносцам (к примеру, уссерии, юиссье).В целом цена, назначенная Венецией, равнялась годовому доходу английского и французского королевства. Ясно, что, заключая договор, венецианцы отдавали себе отчет в невыполнимости его условий для крестоносцев.

22

И все эти условия, которые мы вам разъясняем, мы исполним в течение одного года, считая со дня, когда мы отплывем из гавани Венеции, чтобы послужить Богу и всему христианскому миру в каком бы то ни было месте. Общая сумма этого расхода, который только что назван, составляет 94 тыс. марок.

23

А сверх того мы сделаем вот что: мы поставим от себя пятьдесят вооруженных галер⁹⁷ из любви к Богу⁹⁸ на условии, что до тех пор, пока наш союз будет сохраняться, от всех завоеваний, которые мы произведем на море или на суше, будь то земли или имущество, половину получим мы, а другую – вы. Теперь посоветуйтесь, сможете ли вы это выполнить и принять».

24

Послы вышли; и они сказали, что переговоят об этом между собой и ответят им завтра. Они совещались друг с

⁹⁷ Галеры – длинные легкие гребные корабли (наподобие античных галер), оснащенные вместе с тем и парусами, которые, однако, имели в данном случае второстепенное значение. Отличались большой подвижностью и маневренностью.

⁹⁸ То есть якобы безвозмездно («без всякой корысти»).

другом и проговорили всю эту ночь и, наконец, пришли к согласию принять предлагаемые условия; и на следующий день они пришли к дожу и сказали: «Государь, мы согласны заключить этот договор». А дож сказал, что он переговорит об этом со своими людьми и, к чему придет, даст им о том знать.

25

На следующий, третий день⁹⁹ дож, который был мужем мудрым и доблестным, созвал свой великий совет; а совет состоял из сорока мужей, мудрейших в стране. Своим ясным умом и здравым смыслом, который был у него весьма хорош, он склонил их одобрить и пожелать выполнить его предложение.

Сначала он склонил их, потом сто, потом двести человек, потом тысячу, пока все не согласились и не одобрили¹⁰⁰.

⁹⁹ То есть на следующий день после получения ответа послов и на третий день после того, как дож предложил им свои условия договора.

¹⁰⁰ В административной терминологии и обозначениях венецианских органов управления у Виллардуэна налицо явная путаница. Он ошибочно считает Великим советом (*grant conseil*) Совет сорока. Некогда это был исключительно судебный орган, который со временем превратился в политико-административное учреждение. В особо важных случаях требовалась санкция еще более представительного органа – «Совета приглашенных» (*consiglio dei Pregadi*), возникшего в 1172 г. Его состав обновлялся ежегодно в Праздник св. Михаила (29 сентября), и сама процедура пополнения этого совета новыми лицами была многоступенчатой: каждый из шести кварталов города выделял двух человек, эти 12 выборщиков, в свою очередь, избирали еще по 12 человек. Таким образом, «Совет приглашенных» состоял из 144 человек. Он являлся совещательным органом.

Наконец, он созвал по крайней мере десять тысяч в церкви Св. Марка¹⁰¹, красивейшей из всех, какие только есть на свете; и он им сказал, чтобы они выслушали обедню Святого Духа и молили бы Бога вразумить их насчет просьбы, с которой обратились к ним послы. И все весьма охотно это исполнили.

26

Когда обедня была проговорена, дож позвал послов, чтобы они смиренно просили весь народ согласиться на утверждение этого договора. Послы явились в храм¹⁰². Их с любопытством разглядывало множество людей, которые их никогда не видели.

Для решения же наиболее ответственных вопросов, главным образом внешней политики, существовал еще Великий совет (*Consiglio Maggiore*) из 576 человек. Слабо осведомленный о сложном административном механизме Венеции, Виллардуэн, говоря далее (гл. 25) о том, что дож созывал последовательно «сто, потом двести, потом тысячу» венецианцев, вероятно, имеет в виду Великий совет. Решения, принятые и одобренные Синьорией, Советом сорока, Прегадами и Великим советом, в последней инстанции должны были утверждаться народным собранием (*arrego*), но это уже была чистая формальность.

¹⁰¹ Собор Св. Марка – знаменитый храм в Венеции, посвященный апостолу Марку, который считался небесным покровителем Венецианской республики.

¹⁰² Буквально – «в монастырь» (*vindrent el mostier*). Подобно тому как Виллардуэн называет этим словом собор Св. Марка, Робер де Клари обозначает таким же образом константинопольский храм Св. Софии (*mostier Sainte-Sophie*). Слова «*mostier*» и «*yglise*» нередко употреблялись этими авторами в качестве синонимов.

Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани¹⁰³, с согласия и по воле других послов взял слово и сказал им: «Сеньоры, самые знатные и самые могущественные бароны Франции послали нас к вам; они заклинаят вас о милости, чтобы вы сжалились над Иерусалимом, который находится в порабощении у турок¹⁰⁴, и, Бога ради, согласились сопутствовать им и помочь им отомстить за поругание Иисуса Христа. Выбрали же они вас, ибо знают, что ни один народ не имеет такого могущества на море, как вы и ваш народ. И они повелели припасть к вашим стопам и не подниматься, покуда вы не согласитесь сжалиться над Святой землей за морем»¹⁰⁵.

28

Тогда шестеро послов склонились на колени пред ними, проливая обильные слезы, и дож, и все другие всхлипывали, плача от жалости, и восклицали в один голос, воздевая высоко руки¹⁰⁶, и говорили: «Мы согласны, мы согласны!».

¹⁰³ Автор говорит здесь о самом себе: из контекста явствует, что он возглавил посольство, направленное из Франции.

¹⁰⁴ В октябре 1187 г. Иерусалим, являвшийся столицей государства крестоносцев, основанного в июле 1099 г. в результате Первого Крестового похода, был завоеван египетским султаном Салахом-ад-Дином. Вслед за ним под власть мусульман попала и большая часть Латино-Иерусалимского королевства.

¹⁰⁵ Святая земля – Палестина, где, по евангельским преданиям, родился, жил, проповедовал, умер и воскрес Иисус Христос.

¹⁰⁶ Передавая патетические элементы обращения послов к Венеции, Виллардуэн, однако, обходит молчанием тот факт, что конкретные и детальные условия

И затем поднялся столь великий шум и крик, что казалось, разверзается земля.

29

И когда этот великий шум улегся и улеглась эта великая жалость, столь сильная, что подобной никто никогда не видел, добрый дож Венеции, который был человеком весьма мудрым и доблестным, взошел на амвон¹⁰⁷ и, обратившись к народу, сказал ему так: «Сеньоры, посмотрите, какую честь оказал вам Бог; ведь лучшие люди на свете оставили без внимания все другие народы и ищут вашей поддержки, чтобы совершить вместе с вами столь великое дело, как освобождение нашего Господа!»¹⁰⁸

30

Слова, которые сказал дож, были столь хороши и прекрасны, что я не могу все их вам передать. Конец же дела был таков, что определили изготовить на следующий день грамоты, и они были составлены и написаны. Когда они были

ее договора с крестоносцами не были преданы гласности: венецианцы в массе своей ничего не знали о содержании договора.

¹⁰⁷ В соборе Св. Марка – два амвона, сохранившиеся и поныне. Поднимаются на них по множеству ступеней. Правый, восьмиугольной формы, поддерживают 15 высоких колонн, он двухъярусной конструкции. Левый, такого же вида, покоится на девяти мраморных столпах. Видимо, сюда и взошел дож, чтобы обратиться к собравшимся под сводами храма.

¹⁰⁸ То есть освобождение Гроба Господня из рук «неверных» – так формулировалась в XII–XIII вв. традиционная, религиозная цель Крестовых походов.

изготовлены, то на совете было разъяснено, что поход будет направлен к Вавилону¹⁰⁹, потому что со стороны Вавилона турок можно было уничтожить скорее, нежели из какой-нибудь другой страны. А во всеуслышание было объявлено, что они отправятся за море¹¹⁰. Тогда был Великий пост¹¹¹ и постановили, что через год со Дня св. Иоанна¹¹² – то будет 1202 год от воплощения Иисуса Христа – бароны и пилигримы должны быть в Венеции, а корабли для них – быть готовы.

31

Когда грамоты были изготовлены и скреплены печатями, их отнесли к дожу в большой дворец, где были Великий совет и Малый совет. И когда дож вручил эти грамоты послам, он преклонил колено, обливаясь слезами, и поклялся на Святом Евангелии¹¹³ честно соблюсти соглашения, которые бы-

¹⁰⁹ Имеется в виду Каир, на Западе называвшийся тогда Вавилоном.

¹¹⁰ Иными словами, конкретная, географически определенная цель похода присутствовавшим не была указана: выражение «за море» могло толковаться весьма широко.

¹¹¹ В 1201 г. Великий пост приходился на время с 14 февраля по 21 марта.

¹¹² 24 июня 1201 г. То есть бароны и прочие крестоносцы должны были начать собираться в Венеции с 24 июня 1201 г. и оставаться там до 24 июня 1202 г.

¹¹³ Существует различное понимание выражения хрониста «*jura sor sainz a bone foi*». Некоторые историки переводят это выражение в смысле «поклялся на Евангелии», что, кстати, соответствует тексту самого договора. Другая часть исследователей отдают предпочтение переводу «поклялся на святых мощах» – это была общепринятая в те времена особо торжественная клятва. В данном случае, по-видимому, первый вариант ближе к истине.

ли начертаны в грамотах, и весь его совет, который состоял из сорока шести особ¹¹⁴, тоже. И послы, со своей стороны, поклялись блюсти соглашения, начертанные в грамотах, и по-честному выполнить клятвы своих сеньоров и собственные. Знайте, что при этом много было пролито слез жалости. И сразу же одна и другая стороны отправили своих вестников в Рим к апостолику Иннокентию, чтобы он утвердил этот договор; и он сделал это весьма охотно¹¹⁵.

¹¹⁴ Ранее, в § 25, автор указывает, что Великий совет состоял из 40 человек. Очевидно, здесь имеется в виду совместное заседание Великого и Малого советов, собравшихся в тот день во Дворце дождей. Характерный факт: клятву принесли как дож, так и весь его совет – верховная власть в Венеции принадлежала не одному дожу, но дожу и Великому совету.

¹¹⁵ Договор был действительно утвержден в Риме 8 мая 1201 г., оценка же хронистом этого акта папы («сделал весьма охотно») представляется сомнительной. Конечно, папа, будучи проницательным политиком, не мог отклонить договор: без венецианского флота крестоносцам было бы невозможно переправиться «за море». Эпистолярый Иннокентия III свидетельствует, что вслед за утверждением договорных грамот папа направил послание венецианскому духовенству, в котором выразил удовлетворение тем, что его «возлюбленные чада, дож Энрико и народ венецианский, решили оказать Святой земле столь могущественную подмогу». Делая вид, будто все идет сообразно его собственным намерениям и как бы во исполнение его воли, Иннокентий III, кроме того, обратился к духовенству Англии и Франции с увещанием, чтобы там тщательно проследили за своевременностью отправления рыцарей в поход. Тем не менее, утверждая договор, Иннокентий обставил свое согласие на совершенную сделку существенной оговоркой: «да не поднимут пилигримы оружия против христиан». Эта оговорка в какой-то мере противоречит виллардуэновской формуле, в соответствии с которой папа «весьма охотно» утвердил договор. Если он и поступил таким образом, то не без опасений скомпрометировать идею Крестового похода – в случае попыток венецианцев использовать рыцарей, участников предприятия, в ка-

Тогда послы заняли пять тысяч марок серебра в городе¹¹⁶ и вручили их дожу, чтобы начать постройку кораблей. Затем они простились, чтобы вернуться в свою страну, и они скакали от одного места к другому, пока не прибыли в Плезанс¹¹⁷, что в Ломбардии.

Там они разъехались: Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Алар Макеро направились оттуда прямо во Францию, а другие поехали в Геную и в Пизу, чтобы узнать, какую подмогу окажут они Заморской земле¹¹⁸.

ких-либо собственных целях, далеких от официальной программы Крестового похода. Возможно, что и сами формулировки договора и, что также не исключено, донесения папского легата в Венеции наталкивали Иннокентия III на подозрение, что сделка венецианского правительства с французскими послами таит в себе нечто не вполне согласующееся с замыслами апостольского престола, связанными с Крестовым походом.

¹¹⁶ Для уплаты аванса деньги были взяты займы у богатых венецианских купцов и финансистов, включая, быть может, самих членов Великого совета.

¹¹⁷ Плезанс – Пьяченца, город в Ломбардии на р. По, северо-восточнее Милана.

¹¹⁸ Послы отправились туда в расчете на то, что Пиза и Генуя, где еще раньше, по указанию Иннокентия III, была развернута проповедь Крестового похода, окажут содействие крестоносцам. Однако, будучи соперниками Венеции в Средиземноморье, Генуя и Пиза отказались принять участие в Крестовом походе, о чем недвусмысленно сообщает Робер де Клари. Вообще же это сообщение Виллардуэна малодостоверно: могло ли иметь место обращение к Генуе и Пизе после успешного завершения переговоров с Венецией?

L'HISTOIRE
DE GEOFFROY
DE VILLEHARDOVYN,

MARESCHAL DE CHAMPAGNE
& de Romenie; de la conquête de Constantinople par
les Barons François affociez aux Venitiens, l'an 1204.
d'un costé en son vieil langage; & de l'autre en vn plus
moderne & intelligible;

PAR

Blaise de Vigenere, gentil-homme de la maison de
MONSEIGNEUR LE DUC DE NI-
VERNOIS ET DE RETHELOIS,
PAIR DE FRANCE.

A PARIS,

Chez Abell'ANGELIER, Libraire Juré tenât sa boutique

33

Когда Жоффруа, маршал Шампани, перевалил Монсенис¹¹⁹, он встретил графа Готье де Бриенна; тот направлялся в Апулию отвоевывать земли своей супруги, на которой он женился после того, как принял крест, и которая была дочерью короля Танкреда¹²⁰. С ним направлялись Готье де Монбельяр, Эташ де Конфлан, Робер де Жуанвилль и большая часть добрых людей из Шампани, принявших крест¹²¹.

34

И когда он поведал им насчет того, что они содеяли, те выразили весьма бурную радость и вполне одобрили этот успех, и сказали ему: «Мы уже в дороге; и когда вы прибудете, вы найдете нас совершенно готовыми». Но события происходят

¹¹⁹ Монсенис – Сенис, высокая гора (3 тыс. м над уровнем моря) в Альпах, через которую в Средние века проходила дорога от Турина до Лиона. Возможно, что, проезжая территорию маркизата Монферратского, Виллардуэн и Алар Макеро встречались с маркизом Бонифацием: во всяком случае, по рассказу более поздней Морейской хроники, они ввели его в курс событий, происшедших в Венеции.

¹²⁰ Речь идет о старшей дочери Танкреда, претендовавшей на корону Сицилийского королевства, которое в 1194 г. захватил германский император Генрих VI и которое в 1197 г., после его смерти, перешло к Фридриху II Гогенштауфену. См. также примеч. 24.

¹²¹ «Добрые люди» (*la bone gent*) – выдающиеся по своему социальному положению.

так, как угодно Богу, и им не представилось больше никакой возможности присоединиться к войску. Это было большое несчастье, ибо они были весьма отважны и доблестны. И так-то вот они разъехались, и каждый поехал своей дорогой.

[Избрание Бонифация монферратского предводителем Крестового похода (сентябрь 1201 г.)]

35

Маршал Жоффруа скакал от одного места к другому, пока не прибыл в Труа в Шампани¹²² и нашел своего сеньора

¹²² Именно тогда, по возвращении послов, согласно сведениям Робера де Клари, якобы состоялся совет крестоносных феодалов в Корби. Однако это известие ошибочно. Обитель Корби находилась неподалеку от фьефа Робера де Клари, так что туда могли дойти какие-то отголоски происходившего, которые и дали хронисту повод думать, что совет действительно заседал, причем в нем якобы участвовали и венецианцы. Об этом совете, между прочим, упоминает также французский хронист из Сирии Эрнуль, совсем уж неверно считающий, будто в Корби и был заключен договор французских послов с венецианскими. Робер де Клари, со своей стороны, допускает путаницу в датах. Из его рассказа явствует, что Тибо III Шампанского в дни заседания совета уже не было в живых: следовательно, совет этот никак не мог состояться тотчас по возвращении послов. Мало того, венецианцы, по Роберу де Клари, получили в Корби 25 тыс. марок – сообщение, которое не сообразуется ни с одним из условий договора 1201 г. Если что-либо из фактов и цифр, приводимых в данном случае амьенским повествователем, и заслуживает внимания, так это, возможно, известие, согласно которому после совета в Корби, где венецианцы якобы получили деньги, общая сумма уплаченного им к тому времени достигла 25 тыс. марок, иначе говоря, были внесены два первых взноса (15 тыс. и 10 тыс. марок). Из этого следует также, что дело происходило где-то в конце октября 1201 г. – дата, предусмотренная договором в качестве срока для второго взноса в счет платежа за фрахт кораблей.

графа Тибо¹²³ больным и в печали. И тот был очень рад его прибытию. И когда он ему рассказал, что они содеяли, он выказал такую радость, что сказал, что оседлает коня, чего уже давно не делал, и он сел на коня. Увы! Какое великое горе! Ибо он уже никогда больше не мог сесть на коня, кроме как в этот раз.

36

Его болезнь нарастала и становилась все сильнее, так что он составил завешание и отдал свои распоряжения. И он разделил деньги, которые должен был взять с собой, между своими людьми и спутниками, среди которых имелось много добрых ратников: в те дни никто не имел стольких. И он распорядился, чтобы каждый, получив свои деньги, поклялся на святых мощах, что отправится с войском Венеции, как он ей обещал. И нашлось много таких, которые плохо сдержали свою клятву и были за это сильно порицаемы. Остальную часть своих денег граф распорядился сохранить на нужды войска и израсходовать ее там, где, как это будет видно, пойдут на пользу дела деньги¹²⁴.

37

¹²³ Тибо III, граф Шампанский. См. о нем выше, примеч. 14.

¹²⁴ Эта вторая часть денежной суммы, собранной графом Тибо ради нужд Крестового похода, была затем использована для того, чтобы расплатиться с венецианцами в сроки, предусмотренные договором 1201 г.; средства, однако, оказались недостаточными для полного расчета.

Так опочил граф, и это был один из тех на свете, кто кончил жизнь столь хорошо¹²⁵. И там находилось множество его сородичей и его вассалов; нет надобности рассказывать о трауре, который был устроен, ибо никогда не справлялся по ком-либо столь великий траур; да так оно и должно было быть, ибо никогда человек его возраста не был столь любим ни его вассалами, ни прочими людьми. Он был похоронен рядом со своим отцом в церкви монсеньора Св. Этьена в Труа¹²⁶.

Графиня, его супруга по имени Бланш, овдовела. Она была очень красива и добра и являлась дочерью короля Наваррского; она имела от мужа дочку и была тяжела сыном¹²⁷.

38

Когда графа похоронили, Матье де Монморанси, Симон де Монфор, Жоффруа де Жуанвилль, который был сенешалем, и Жоффруа, маршал, отправились к герцогу Эду Бур-

¹²⁵ Тибо, граф Шампанский, скончался 24 или 25 мая 1201 г.

¹²⁶ Церковь Св. Этьена в Труа была построена в 1157 г. Анри Щедрым в память его первого паломничества в Палестину, притом по образцу одной из тамошних церквей. Сохранилось описание гробницы Тибо III, сделанное в 1704 г. каноником Жаном Гюго. Судя по этому описанию, вдова Тибо III – Бланш Наваррская воздвигла графу величественное надгробие, на котором он был представлен в облачении крестоносца.

¹²⁷ Бланш – дочь Санчо VI Мудрого, короля Наварры (умер в 1194 г.) Ее дочь звали Марией. Сын, которым она была беременна, – он родился спустя несколько дней, вероятно, 30 мая 1201 г., – Тибо IV, граф Шампанский и король Наварры, известный трувер.

гундскому¹²⁸ и сказали ему так: «Сеньор, ты видишь несчастье, которое постигло Заморскую землю. Богом заклинаем тебя взять крест и помочь Заморской земле, заступив место усопшего¹²⁹. И мы устроим так, чтобы тебе были вручены все его деньги, и мы поклянемся тебе на святых мощах, и мы заставим остальных тоже поклясться, что мы будем честно служить тебе, так как мы служили бы ему».

39

Воля его была такова, что он отказался. Знайте, что он мог бы поступить лучше. Тогда они поручили Жоффруа де Жуанвиллю обратиться с таким же предложением к графу Тибо Бар-Ле-Дюку, кузену покойного графа¹³⁰. И он тоже отказался.

40

¹²⁸ О мотивах отказа Эда, графа Бургундского (1193–1218), стать предводителем войска крестоносцев историки высказывали различные гипотезы: возможно, он сомневался в успехе Крестового похода и к тому же, подобно Иннокентию III, не доверял венецианцам.

¹²⁹ По сведениям Робера де Клари, а также Эрнуля, граф Тибо III Шампанский в свое время якобы был избран предводителем Крестового похода. В литературе высказывались обоснованные сомнения на этот счет. Виллардуэн ничего не сообщает о каком-либо формальном избрании графа Шампанского командующим.

¹³⁰ Тибо I, граф Бар-Ле-Дюк, которого Виллардуэн представляет кузенком Тибо III Шампанского, был, как и последний, внуком Тибо Великого. Оба эти сеньора – Эд III Бургундский и Тибо I Бар-Ле-Дюк являлись родственниками французского короля (в силу того, что Людовик VII был женат на Алисе Шампанской).

Большим горем для пилигримов и для всех тех, кто должен был отправиться на служение Господу, явилась смерть графа Тибо Шампанского. И в конце месяца¹³¹ они держали совет в Суассоне, чтобы выяснить, что же делать. Там были граф Бодуэн Фландрский и Эно и граф Луи Блуаский и Шартрский, граф Жоффруа Першский, граф Гюг де Сен-Поль и многие другие доблестные люди.

41

Жоффруа, маршал, молвил им слово и рассказал о предложении, которое они сделали герцогу Бургунскому и графу Бар-Ле-Дюку, и как те им отказали. «Сеньоры, – сказал он, – послушайте: я посоветую вам одну вещь, если вы позволите. Маркиз Бонифаций Монферратский¹³² – весьма доблестный

¹³¹ «В конце месяца» (al chief del mois), последовавшего за смертью Тибо III, т. е. около 25 июня 1201 г.

¹³² Бонифаций Монферратский (ок. 1150 – 4 сентября 1207) – знатный ломбардский сеньор, маркиз. Состоял в родстве с французским королем Филиппом II Августом и германским королем Филиппом Швабским, приходясь дядей (или кузеном) первому и дядей второму. Вместе с тем маркиз был связан родственными узами с домом графов Шампанских (его свояченица Изабелла Иерусалимская во втором браке находилась замужем за графом Анри II Шампанским). Представители дома маркизов Монферратских играли заметную роль в Крестовых походах и в Латино-Иерусалимском королевстве, а также находились в тесных отношениях с Византийской империей. Отец Бонифация Гилельм III Старый (1135–1190?) участвовал во Втором Крестовом походе 1147–1149 гг. и долго жил в Палестине, а в 1187 г. в битве при Хаттине попал в число пленников Салаха-ад-Дина. Старший брат маркиза – Гилельм Длинный Меч, граф Яффы и Аскалона, был с 1176 г. женат на сестре Бодуэна IV Иерусалимского (1174–1185) Сибил-

муж и один из наиболее чтимых среди тех, кто ныне здравствует. Если вы его попросите приехать сюда, и взять крест, и заступить место графа Шампанского, и если вы предоставите ему предводительство над войском, он примет его тотчас»¹³³.

ле, дочери Амори I (1163–1174) (от этого брака уже после смерти отца родился Бодуэн V Иерусалимский (1185–1186), приходившийся Бонифацию племянником). Второй брат Бонифация, Ренэ, в 1179 г. женился на дочери византийского императора Мануила I Комнина Марии Порфирородной, получил титул кесаря и в качестве приданого супруги город Фессалонику (на правах фьефа). Ренэ был отравлен Андроником I Комнином. Еще один брат Бонифация – Конрад Монферратский в 1185 г. сочетался браком с сестрой Исаака II Ангела Феодорой и занимал некоторое время видное положение при византийском дворе. Содействовал Исааку II в подавлении мятежа Алексея Враны в Константинополе в 1186/87 гг. Затем, вызвав против себя недовольство придворной знати, вынужден был уехать из Константинополя на Восток. Оказал в 1187 г. серьезные услуги крестоносцам при обороне г. Тира в войне с Салахом-ад-Дином в 1187 и 1188 гг. Женился на наследнице Иерусалимского королевства Изабелле, дочери Амори I, с 1190 г. считался государем этого королевства, 28 апреля 1192 г. был убит ассасинами (мусульманская секта). Самому Бонифацию Монферратскому, в 1187 г. сражавшемуся с сарацинами под Тивериадой и попавшему в плен, где находился в течение года, Исаак II Ангел предлагал руку своей сестры Феодоры. В силу семейной традиции Бонифаций был гибеллином. Он поддерживал союзные отношения с Гогенштауфенами во время их войны против ломбардских коммун (1191 г.), сражался на стороне императора Генриха VI при завоевании им Сицилии в 1194 г. Таким образом, маркиз был заинтересован в Крестовом походе материально, а также связан с этим предприятием традициями своей семьи. Бонифаций Монферратский снискал репутацию щедрого сеньора, при его дворе нашли прибежище прославленные трубадуры Лимузена, Тулузы, Прованса (Раймбаут де Вакейрас – самый известный среди них). Во время Крестового похода, как видно будет из дальнейшего, он выступил наряду с Энрико Дандоло вершителем судеб всего предприятия.

¹³³ Хроника Жоффруа де Виллардуэна – одна из немногих латинских хроник,

Много говорено было слов, судили и рядили так и сяк¹³⁴, но конец говоренного был таков, что все, великие и малые, согласились. И были написаны грамоты, и избраны послы, и их отправили просить его. И он прибыл в день, который они ему назначили, через Шампань и Францию, где ему оказали великие почести, и даже король Франции, кузен ко-

сообщающая об обстоятельствах избрания маркиза Монферратского предводителем крестоносцев, в том числе о собственной инициативе маршала Шампанского в выдвижении этой кандидатуры. Гораздо менее осведомленные авторы – Робер де Клари и составитель Морейской хроники рисовали дело таким образом, будто почин в избрании Бонифация Монферратского принадлежал самим участникам суассонского совета баронов. Стоит отметить вместе с тем, что хронист уже в начале своего повествования выпячивает собственную роль даже в событиях, относящихся к предыстории похода: именно он, Виллардуэн, якобы обратился к совету баронов с предложением о «замене лидера», т. е. хронист стремится представить себя равным, если не первенствующим, в подготовке похода остальным баронам. На самом деле он занимал все же не столь высокое положение и, вероятно, преувеличивал степень своего участия в этих событиях.

¹³⁴ Выражение «судили и рядили так и сяк» (*assez i ot parole dites avant et arriere*), употребляемое Виллардуэном, – весьма «гибкая» формулировка, которая, быть может, косвенно свидетельствует о разногласиях в совете баронов по поводу кандидатуры маркиза Монферратского. Не исключено, что сторонники графа Фландрского могли предвидеть сложности в будущих отношениях Бодуэна IX с Бонифацием. Хотя граф Фландрский был значительно моложе маркиза, но в силу своего положения и родственных связей имел основания претендовать на пост командующего. «Гибкость» манеры повествователя в данном случае, как и при изложении многих других фактов, подчеркивает лишний раз его старания оттенить собственное участие в руководстве походом, по крайней мере путем выдвижения собственного кандидата на пост верховного командира.

тогого он приходился¹³⁵.

¹³⁵ Жизель Бургундская, прабабка Филиппа II Августа, являлась бабкой Бонифация Монферратского. Согласно хронике-биографии папы («Деяниям Иннокентия III») Бонифаций Монферратский был назначен предводителем войска крестоносцев «по совету (соизволению) короля франков». Аналогичное мнение высказывали и некоторые другие хронисты – итальянец Созомен из Пистойи, а также, с определенными отклонениями в описании последовательности событий, автор Морейской хроники. Созомен писал совершенно недвусмысленно: «Князья по совету короля франков избрали Бонифация, маркиза Монферратского, вождем христиан». Морейская хроника, памятник в целом неточный и путанный, передает события в несколько иной последовательности, но сохраняет существенную основу «показаний» и «Деяний Иннокентия III», и Созомена из Пистойи: в ответ на обращение французских баронов Бонифаций заявляет их послам, что он должен сначала выяснить, желает ли король Франции, чтобы он взял на себя предводительство крестоносцами. Вместе со свитой маркиз «как можно быстрее отправился в город Париж, где нашел короля Франции и королеву, свою сестру» (последний факт – явный домысел). Он «сообщил им, каким образом и почему знатные сеньоры Франции и другие князья просили его стать предводителем крестоносцев и командовать всеми участниками похода». Король, по сведениям автора Морейской хроники, одобрил выбор баронов: «Что до меня, то мне весьма по душе сделанное вам предложение, и я полагаю, что вы должны принять его как можно скорее». Услышав такой совет, «маркиз склонил голову и почтительно приветствовал короля». В научной литературе высказывалась точка зрения, будто в формулировке «по совету короля франков», употребляемой в официальной хронике-биографии папы, отразились скорее подозрения курии, где было известно о связях Филиппа II и Бонифация Монферратского, чем реальная связь событий. В действительности же, как полагал, к примеру, Ж. Фараль, французский король воспользовался Крестовым походом, чтобы поручить Бонифацию дипломатическую миссию в Рим, относившуюся к собственным делам капетингской короны. Возможно, допускал названный исследователь, маркиз Монферратский во время своего пребывания в Суассоне даже беседовал с королем о своем назначении и хлопотал о его одобрении.

Так он прибыл на совет, который назначен был в Суассонне¹³⁶, и было там великое скопление графов, баронов и крестоносцев. Когда они узнали, что маркиз прибыл, то выехали ему навстречу и воздали ему великие почести. Наутро состоялся совет в винограднике аббатства госпожи Св. Марии Суассонской¹³⁷. Там они склоняли маркиза принять то, за чем его призывали, и умоляли его, Бога ради, взять крест, и согласиться предводительствовать войском, и заступить место Тибо Шампанского, и взять его деньги¹³⁸. И все они припали к его стопам, обливаясь слезами. И он также припал к их стопам и сказал, что сделает это весьма охотно.

Так маркиз склонился к их просьбе¹³⁹ и получил предво-

¹³⁶ Совет собрался в конце августа или в начале сентября 1201 г. Этот факт отмечает и Робер де Клари в III гл. своей хроники.

¹³⁷ Аббатство Св. Марии – женский бенедиктинский монастырь, где почиталась гробница св. Дрозона, считавшегося покровителем тех, кто готовится отправиться в поход против мусульман.

¹³⁸ Автор хроники «Константинопольское опустошение» и Робер де Клари излагают дело таким образом, что маркиз действительно получил в свое распоряжение деньги, собранные и завещанные графом Тибо III Шампанским для надобностей Крестового похода. По Роберу де Клари, эта сумма составила 25 тыс. марок. Возможно, что она-то и была передана венецианцам (якобы в Корби).

¹³⁹ По рассказу Робера де Клари, Бонифаций Монферратский сперва якобы просил дать ему время поразмыслить, но это маловероятно: ведь он наверняка знал заранее, чего от него хотят, и отнюдь не был застигнут врасплох предложением баронов. В исторической литературе высказывалось даже предположение,

дительство войском. Тотчас епископ Суассонский и монсеньор Фульк, святой человек, и два белых аббата¹⁴⁰, которых он привез из своей земли, повели его в церковь Богоматери и прикрепили ему крест на плечо¹⁴¹. Так закончился этот совет; и на следующий день маркиз покинул их, чтобы вернуться в свою землю и устроить свои дела; и он сказал, чтобы каждый уладил свои дела и что он снова встретится с ними в Венеции.

45

будто еще во время возвращения из Венеции – через Монферрат – Жоффруа де Виллардуэн и Алар Макэро вели переговоры с маркизом на предмет привлечения его к Крестовому походу. Впрочем, эта гипотеза лишена прочной основы: в то время никто не мог предугадать ни кончины Тибо Шампанского, ни последовавшего затем отказа герцога Бургундского и графа Бар-Ле-Дюк от предложенного им после этого предводительства. Существеннее другое обстоятельство: выраженная Виллардуэном (см. выше, § 41) уверенность в том, что Бонифаций примет предложение взять на себя предводительство. Видимо, у маршала Шампанского имелись веские соображения на этот счет.

¹⁴⁰ Одним из них был, вероятно, Пьетро из аббатства Св. Марии в Лочедии, в диоцезе Верчелли. Его имя встречается в различных источниках, повествующих о Четвертом Крестовом походе. Другим аббатом, как полагают, являлся де Трапп. «Белыми» называли в XII–XIII вв. августинских монахов, «черными» – бенедиктинцев. «Белые» аббаты вели обычный образ жизни «в миру», т. е. не обязаны были проживать в монастыре.

¹⁴¹ По-видимому, Фульк как официально назначенный папой римский проповедник Крестового похода и Нивелон Суассонский как высокопоставленный церковный иерарх собственноручно пришили крест на плечо маркизу с тем чтобы придать церемонии особую значительность и торжественность.

Оттуда маркиз отправился на капитул в Сито¹⁴², который собирался в Праздник Св. Креста в сентябре¹⁴³. Там узрел он великое множество аббатов, баронов и других людей; отправился туда и монсеньор Фульк, чтобы проповедовать крест. Тут взяли крест шампанец Эд де Шанлитт¹⁴⁴ и Гийом, его

¹⁴² Сито, близ Дижона, – местонахождение центральной резиденции влиятельного тогда католического монашеского ордена цистерцианцев. Был основан в 1098 г. С начала XII в., со времени реорганизации ордена знаменитым церковным деятелем Бернаром Клервоским, этот орден назывался также орденом бернардинцев. Бернар Клервоский ввел суровые правила монашеского общежития: цистерцианцы обязаны были постоянно трудиться, соблюдать обет молчания, предаваться вечному посту и пр. Орден цистерцианцев играл крупную роль в организации Крестовых походов. В истории Четвертого Крестового похода получил особую известность цистерцианский аббат Ги де Во де Сернэй, о котором Виллардуэн упоминает далее, излагая события, разыгравшиеся в связи с захватом Задара.

¹⁴³ В католической церкви праздник величания Св. Креста – 14 сентября 1201 г.

¹⁴⁴ Эд де Шанлитт (год рождения неизвестен – май 1204) – знатный рыцарь, младший внук графа Гюга I Шампанского (отсюда прозвище – «шампанец») и Эльзы Бургундской. Этот граф, поверив в «диагноз» медиков, будто он неспособен иметь детей, отказался признать своим сыном Эда I Шампанца (прозвище было вырезано на его печати). Сеньорией последнего служил замок Шанлитт, принадлежавший опекуну его матери, сестры одного из графов Бургундских. Эд II, о котором упоминается в хронике, был сыном Эда I, участника Третьего Крестового похода, и Сибиллы, племянницы виконта Дижонского. Из Хроники Виллардуэна явствует, что Эд де Шанлитт не пользовался расположением ее автора, ибо принадлежал к группе противников завоевания Константинополя и был одним из главных заводил недовольных рыцарей, готовых распустить войско во время пребывания на Корфу. Не случайно в их перечне у Виллардуэна его имя значится первым (§ 114). Позднее, после высадки крестоносцев в Скутари, Эду де Шанлитту поручено было командовать отрядом, на который возлагалась охра-

брат¹⁴⁵, Ришар де Дампьер, Эд, его брат, Гюи де Пэм, Эм, его брат, Гюи де Конфлан и многие добрые люди из Бургундии, имена которых здесь не начертаны. Потом крест приняли епископ Отюнский, Гиг, граф де Форэ, Гюг де Берзэ, отец и сын, Гюг де Колиньи, далее в Провансе взяли крест Пьер

на войска и фуражиров (§ 138). Эти рыцари вошли в шестой боевой отряд, состоявший из бургундцев (§ 138, 140). Говоря о его составе, хронист также упоминает на первом месте Эда де Шанлитта (§ 152). В феврале 1204 г. он сопровождал Анри д'Эно в рейде против г. Филеи на берегу Черного моря и в разгроме Алексея V Морчуфля (§ 226). Умер в мае 1204 г. и был торжественно похоронен в церкви Святых апостолов.

¹⁴⁵ Гийом де Шанлитт (? – 1208?) – потомок Гюго I и Эльзы Бургундской, состоял в третьем браке с внучкой Людовика VI Толстого. Он приходился дядей (по жене) графу Эрве Неверскому. Гийом де Шанлитт являлся виконтом Дижона и держал эту сеньорию от матери. Известен как автор произведений куртуазной поэзии (сохранились отдельные отрывки). Взяв крест в 1201 г., в 1201 г. совершил много «благочестивых дарений», заняв 300 ливров у ростовщика Пьера Капитуш под залог доходов с Шанлитта и рент с шампанских ярмарок. Выступил в поход из Паси-сюр-Армансона, в полулье от Лезинна, из которого отправился Жоффруа де Виллардуэн. Во время похода находился с братом Эдом II. В дни вылазки греков у Влахернского дворца в июле 1203 г. был тяжело ранен камнем в руку (§ 167). Осенью 1203 г. сопровождал Алексея IV при завоевании византийских провинций (§ 201–202), в феврале 1204 г. участвовал в рейде на Филею (§ 226). В период распри Бонифация с Бодуэном Гийом де Шанлитт находился в окружении маркиза Монферратского, с которым был под Андринополем (§ 284). Участвовал в дальнейших военных кампаниях маркиза, пройдя Македонию, Фессалию, Беотию и Аттику и дойдя до Пелопоннеса. Хронист подчеркивает единодушие Гийома де Шанлитта со своим племянником – Жоффруа де Виллардуэном при завоевании Морей. Гийом де Шанлитт стал сеньором всего северо-западного Пелопоннеса – в одном из писем от ноября 1205 г. Иннокентий называл его «князем всей провинции Ахайи». После его кончины эти земли перешли к племяннику Виллардуэна.

Бромон и много других людей, чьи имена мы не ведаем.

46

Так бароны и пилигримы приготавливались во всех землях. Увы! Сколь великая беда приключилась с ними следующим Великим постом¹⁴⁶ накануне отъезда. Тогда граф Жоффруа Першский слег от хвори и составил свое завещание, распорядившись таким образом, чтобы Этьен, его брат, взял его деньги и предводительство над его людьми¹⁴⁷. Не случись этой перемены, пилигримы не претерпели бы столь сильно, коли этого захотел бы Бог¹⁴⁸. Так скончался и опочил граф, что было великой утратой; и в самом деле – ведь он был весьма знатным бароном и весьма почитаемым и добрым рыцарем. Великий траур был по всей его земле.

¹⁴⁶ В 1202 г. Великий пост приходился на время с 27 февраля по 7 апреля.

¹⁴⁷ Он и в самом деле заменил брата в качестве предводителя отряда крестоносцев, но не стал владельцем его сеньории. Правда, хронист Ригор, автор «Деяний Филиппа II Августа», именует его графом Першским, однако на самом деле он никогда такого титула не носил. Кстати сказать, и Виллардуэн тоже нигде не именует его графом.

¹⁴⁸ О неверном, с точки зрения хрониста, шаге, который сделал Этьен Першский, см. § 79.

[Крестоносцы в Венеции (июль – сентябрь 1202 г.)] [Отплытие. Первые дезертиры (июнь – июль 1202 г.)]

47

После Пасхи, около Пятидесятницы¹⁴⁹, пилигримы начали отправляться из своих земель. И знайте, что много пролито было слез жалости о покидавших свои края их друзьями и их людьми. Так ехали они на конях через Бургундию и перевалили горы Монжэ¹⁵⁰ и миновали Мон-Сенис и Ломбардию. И стали таким образом собираться в Венеции и располагались на некоем острове, который именуется островом Св. Николая¹⁵¹, в гавани.

¹⁴⁹ Пятидесятница, иначе Троица, – церковный праздник, отмечаемый на 50-й день после Пасхи. В 1202 г. этот день приходился на 2 июня. По аналогичному сообщению Робера де Клари, крестоносцы пустились в путь, когда миновала Пасха (гл. IX).

¹⁵⁰ В узком смысле Монже-Сен-Бернарский перевал, в более широком значении хронист называет таким образом Альпы вообще.

¹⁵¹ Остров Лидо вблизи Венеции. Судя по рассказу Робера де Клари, крестоносцы размещались там по собственному выбору, поскольку в самой Венеции для них не нашлось места (гл. X). Иначе изображает ситуацию автор хроники «Константинопольское опустошение»: крестоносцы, согласно его рассказу, были вынуждены расположиться лагерем на этом острове, так как венецианцы выгна-

В это время отбыла морем флотилия из Фландрии, где было великое множество добрых вооруженных людей¹⁵². Капитанами этой флотилии являлись Жан де Нель, шателен Брюгге, и Тьерри, сын графа Филиппа Фландрского, и Николя де

ли их из самого города, подобно тому, как еще раньше их не пожелали принять в ломбардских городах: там даже было официально постановлено давать крестоносцам постой не более чем на одну ночь. В исследовательской литературе высказывалось также предположение, будто о размещении крестоносцев на о. Лидо было договорено еще при подписании договора с Венецией в 1201 г., однако это предположение, как мы полагаем, имеет надуманный характер. Вопрос о численности крестоносцев, собравшихся в Венеции к лету 1202 г., остается дискуссионным, ибо сведения хронистов расплывчаты и не совпадают между собой. По скрупулезным подсчетам итальянского историка А. Кариле, в Венецию прибыли 10 589 крестоносцев, а согласно мнению американского ученого Д. Э. Квеллера и ряда других медиевистов США, скорректировавших арифметические погрешности А. Кариле, – 11 166 или 13–14 тыс. человек. Бельгиец Б. Хендрике признает минимальную численность крестоносцев равной 11 167, максимальную же – 21 750 человек. Э. Г. Мак Нил и Р. Л. Уолф (США) оценивают ее в 10–12 тыс. человек. Так или иначе, все эти данные свидетельствуют о том, что в Венецию прибыла примерно третья часть тех, кто должен был явиться, как это предполагали французские послы, подписывая в 1201 г. договор с Венецией.

¹⁵² Зимой 1202/03 г. эта флотилия прибыла в Марсель, где корабли встали на якорь. Отсюда Жан де Нель, Тьерри Фландрский и Николя де Майи запросили дальнейших распоряжений у Бодуэна Фландрского, находившегося тогда в Задаре. Граф передал им приказ, согласно которому флоту надлежало плыть к Модоне, на юго-западе Пелопоннеса, на соединение с его силами. Командиры флота не исполнили приказа, и корабли двинулись непосредственно в Сирию (см. § 103, 229 и сл.). Причины такого неповиновения Виллардуэн сводит к «великой опасности», которой они якобы убоялись в Венеции, к страху перед этой «великой опасностью». Тенденциозность такой версии очевидна.

Майи. И они обещали графу Бодуэну, и поклялись ему на святых мощах, что поплывут через Марокканский пролив¹⁵³ и присоединятся к венецианскому войску и к нему самому в любом месте, куда им будет велено повернуть. И по этой причине граф и Анри, его брат, послали с ними часть своих кораблей, нагруженных одеждой, съестными припасами и прочими вещами.

49

Великолепен и весьма богат был этот флот; граф Фландрский и пилигримы питали к тем людям великое доверие, ибо наибольшая часть их доблестных оруженосцев отплыли с этим флотом. Однако они дурно сдержали слово своему сеньору, эти и все остальные, потому что убоялись и сами они, и многие другие великой опасности, в которую ввязались те, кто находился в Венеции.

50

Вот так-то случилось, что среди них отсутствовали епископ Отюнский, Гиг, граф Форэ, и Пьер Бромон, и многие другие, которые были за это весьма порицаемы, да и мало что содеяли там, куда направлялись. А из французов¹⁵⁴ у них

¹⁵³ Марокканский пролив – Гибралтар.

¹⁵⁴ Есть основания считать, что среди тех, кто отказался примкнуть к главному войску крестоносцев, многочисленнее всего были выходцы из Франции. Из 16 сеньоров, взявших крест (по рассказу Виллардуэна) в Экри, трое (Готье и Анри де Сен-Дени, Бернар де Морей, § 50) отправились через Марсель, семеро осталь-

недоставало также Бернара де Морей, Гюга де Шомона, Анри д'Арэна, Жана де Виллера, Готье де Сен-Дени, Гюга, его брата, и многих других, которые уклонились от приезда в Венецию по причине великой опасности, что там была, и двинулись в Марсель¹⁵⁵, отчего им был великий позор, и они были сильно порицаемы, и из-за этого их постигла затем великая неудача.

51

А теперь оставим их и скажем о тех пилигримах, бо́льшая часть которых уже прибыли в Венецию. Туда уже прибыли граф Бодуэн Фландрский¹⁵⁶ и многие другие. Тут к ним пришло известие, что многие пилигримы направились другими

ных (Рено де Монмирай, Робер и Ангерран де Бов, Симон и Гюи де Монфор, Робер Мовуазен, Дрэ де Крессоньяк, § 102, 106, 109) покинули войско в Задаре. По-видимому, они чувствовали себя в меньшей степени связанными договором с Венецией, поскольку не были представлены во время переговоров в 1201 г. Венецианцы не могли не предусмотреть подобного оборота дел: недаром в текст договора был включен пункт, по которому крестоносцам рекомендовалось заручиться по мере возможности гарантиями со стороны французской короны.

¹⁵⁵ Упомянутые здесь рыцари направились через Марсель, предполагая, вероятно, держать затем путь на Восток, остановившись по дороге в Бриндизи, откуда обычно паломники отплывали в Палестину. Едва ли все эти рыцари ожидали в Марселе флот из Фландрии: сохранились сведения о том, что в начале июня 1203 г. крестоносцы повстречали у южных берегов Пелопоннеса два своих корабля, уже возвращавшихся из Сирии. Этот факт заставляет предположить, что они отправились туда еще летом 1202 г.

¹⁵⁶ В апреле 1202 г. он проехал аббатства Клерво и Сито, в пользу которых совершил дарственные акты.

дорогами в другие гавани; и они были этим весьма встревожены, ибо не могли выполнить свои обязательства и уплатить венецианцам деньги, которые были им должны.

52

И, посоветовавшись между собой, они решили выслать навстречу пилигримам добрых послов, также и навстречу графу Луи Блуаскому и Шартрскому¹⁵⁷, который еще не пришел, чтобы ободрить их, и просить их проникнуться жалостью к Заморской земле, и убедить, что никакая другая дорога не выгодна так, как через Венецию.

53

Для этого посольства были избраны граф Гюг де Сен-Поль и Жоффруа, маршал Шампани; и они поехали на конях до Павии в Ломбардии¹⁵⁸. Там они застали графа Луи с великим множеством добрых рыцарей и прочих добрых ратников. Их увещевания и просьбы склонили повернуть к Венеции довольно многих людей, которые собирались было пойти другими путями в другие гавани.

¹⁵⁷ Луи Блуаский отправился в путь несколько позднее Бодуэна Фландрского — 4 мая 1202 г. он был еще в Шартре. Примечателен тот факт, что оказалось необходимым увещевать насчет явки в Венецию этого владетельного сеньора, через своих уполномоченных (Жана Фризского и Готье де Годонвилля), участвовавшего в переговорах с нею в 1201 г. Вероятно, пришлось также уговаривать и находившихся с ним рыцарей.

¹⁵⁸ Павия расположена на дороге от горы Сенис к Венеции.

Тем не менее очень многие добрые люди отправились из Плезанс другими дорогами в Апулию¹⁵⁹. Среди них были Вилэн де Нейи, один из доблестнейших рыцарей на всем свете, Анри д'Арзильер, Рено де Дампьер¹⁶⁰, Анри де Лоншан, Жиль де Тразиньи¹⁶¹, который был вассалом Бодуэна Фландрского и Эно и которому он выдал из своих средств 500 ливров, чтобы тот пошел с ним в поход. Вместе с ними отправилось великое множество рыцарей и оруженосцев, чьи имена здесь не записаны.

55

Это намного сократило войско тех, которые направились в Венецию, и с ними приключились великие беды, как вы услышите о том далее.

¹⁵⁹ Виллардуэн называет эту провинцию в Южной Италии словом Пюй (Puille). Крестоносцы, направившиеся туда, предполагали, судя по всему, достичь, как уже отмечалось ранее, портового города Бриндизи, где пилигримы обычно погрузались на корабли, чтобы затем плыть в Святую землю.

¹⁶⁰ По сообщению Альбрика де Труафонтэна, относящемуся к 1202 г., этот рыцарь оставил войско лишь в Задаре, с тем чтобы плыть прямо в Сирию.

¹⁶¹ Он стал затем героем рыцарского романа, названного по его имени.

[Крестоносцы в Венеции: нехватка денег (июль – сентябрь 1202 г.)]

56

Таким образом, отправились граф Луи и другие бароны в Венецию; и они были приняты там с великим торжеством и с великой радостью и расположились вместе с прочими на острове Св. Николая. Сколь прекрасно было это войско, из каких добрых ратников оно состояло! Никогда и никто не видывал ни такой отличной рати, ни столько прекрасных ратников. И венецианцы предлагали им на продажу все, что необходимо было для коней и для людей, в таком изобилии, что хватало всего¹⁶². И флот, который они подготовили, был столь богат и прекрасен, что никогда еще ни один христианин не видывал ничего более богатого и прекрасного; нефов, галер и юиссье было в три раза больше, нежели сколько требовалось для собравшихся в войске.

¹⁶² Виллардуэн, принадлежавший к той части знати, которая готова была пойти на компромисс с дожем, изображает ситуацию, сложившуюся во время пребывания крестоносцев на о. Лидо, в подчеркнуто благополучном виде. Иную картину рисует автор хроники «Константинопольское опустошение», правда, имеющий обыкновение сгущать тона, когда дело касается политики венецианцев. По его изображению, крестоносцы содержались на острове подобно узникам Венеции; хлеб им продавали очень дорого, они несли тяжкие потери от голода и болезней, вспыхнувших на почве недоедания («смертность была столь велика, что живые едва успевали хоронить умерших»).

Ах! Какая была это беда, что прочие, те, кто отправился в другие гавани, не явились сюда! Как было бы вознесено христианство и как унижена была бы земля турок! Венецианцы превосходно выполнили все свои обязательства и даже более того; и они понуждали теперь графов и баронов сдерживать свои обязательства и произвести уплату денег, ибо они-то готовы были отплыть.

В войске объявлен был сбор денег за перевоз¹⁶³. И нашлось довольно много таких, которые говорили, что не могут оплатить свой перевоз, и барон взял с них столько, сколько могли. Таким образом, они уплатили за перевоз, по крайней мере сколько смогли собрать после того, как объявлен был и произведен сбор денег. И когда уплатили, то оказалось не только недостаточно для расплаты с долгом, но не внесли и половины суммы, что должны были¹⁶⁴.

Тогда все бароны заговорили и сказали: «Сеньоры, вене-

¹⁶³ Первый сбор денег был произведен среди всех крестоносцев — как у знати, так и у рядовых рыцарей и прочих воинов.

¹⁶⁴ По-видимому, Дандоло и рассчитывал на неплатежеспособность крестоносцев: типичный маневр ростовщика, который затем предложит крестоносцам возместить «натурой» не выплаченный ими долг.

цианцы превосходно выполнили свои обязательства, и даже сверх того; но нас собралось не столько, чтобы, оплатив наш перевоз, мы смогли бы выполнить наши обязательства; и случилось так из-за тех, кто отправился в другие гавани¹⁶⁵.

А посему, Бога ради, пусть каждый из нас выложит из своего имущества столько, сколько мы сумели бы уплатить из того, что обязались; ибо лучше уж истратить здесь все наше достояние, нежели прослыть неисправными должниками и потерять все, что мы уже вложили в дело, так и не выполнив наших обязательств; ведь если поход этот не состоится, то подмогу Заморской земле не удастся оказать»¹⁶⁶.

60

Тогда произошло великое несогласие среди большей части баронов и среди прочего люда, которые сказали: «Мы заплатили за свой перевоз. Если они хотят нас везти, то мы охотно отправимся; а коли не желают, мы поищем другого перевоза»¹⁶⁷. Они потому так говорили, что им хотелось,

¹⁶⁵ Вторичный сбор денег, о котором идет речь, был проведен лишь у состоятельных сеньоров, уплативших, таким образом, более того, чем они, собственно, должны были внести.

¹⁶⁶ Судя по этому тексту, оппозиция предложениям об уплате была весьма внушительной, так что ни о какой жертвенной готовности баронов не может быть и речи. Не догадывались ли некоторые о коварных замыслах венецианцев?

¹⁶⁷ Объяснение разногласий среди крестоносцев, которое предлагает хронист, не только поверхностно, но и неверно по существу. Едва ли можно представить себе, что большая часть баронов и рыцарей беспричинно (так получается у Виллардуэна!) или по какой-то злой воле вдруг возжаждала отказаться от кресто-

чтобы войско разошлось. А другая часть сказала¹⁶⁸: «Мы предпочитаем лучше отдать все свое достояние и отправиться в поход бедняками, чем позволить, чтобы войско разошлось и пропало бы: ведь Господь наверняка возвратит нам наше с лихвой, коли ему будет угодно».

61

Тогда начал граф Фландрии отдавать все, что имел, и все, что смог подзаянть¹⁶⁹, и то же сделал граф Луи, и маркиз¹⁷⁰, и граф Гюг де Сен-Поль, и все те, которые держали их сторону. Видели бы вы тогда, сколько было снесено во дворец дожа прекрасной золотой и серебряной утвари, чтобы произвести уплату. И когда они уплатили, все же 34 тыс. марок серебра не достало до уговоренной суммы. Этим обстоятельством были весьма обрадованы те, которые приберегали свои деньги и не хотели ничего давать: они полагали, что таким образом войско распадется и сгинет. Но Бог, который подает надежду страждущим, не пожелал, чтобы они так страдали.

носного предприятия и готова была распустить войско. Виллардуэн, несомненно, стремился уже здесь, с самого начала повествования, оправдать линию вождей крестоносцев и собственную позицию в истолковании последующих событий (см. статью).

¹⁶⁸ Очевидно, эта часть была не такой многочисленной.

¹⁶⁹ Сохранился документ, свидетельствующий о том, что в октябре 1202 г. граф Бодуэн IX Фландрский занял в Венеции 118 марок.

¹⁷⁰ Если Бонифаций Монферратский тоже участвовал в этой выплате денег, то данный эпизод, видимо, относится ко времени после 15 августа 1202 г.

[Французско-Венецианский договор о завоевании Задара (август – сентябрь 1202 г.)]

62

Тогда дож обратился к своим людям и сказал им: «Сеньоры, эти люди не могут нам уплатить большего. А то, что они уже уплатили, все это мы заработали по соглашению, которое они теперь не в состоянии выполнить. Однако наше право не было бы никем признано, и мы, и наша земля навлекли бы на себя великий позор. А предложим-ка им полюбовное соглашение¹⁷¹.

¹⁷¹ Говоря таким образом, Энрико Дандоло в какой-то мере раскрывает карты своей политико-дипломатической игры; он отдает себе ясный отчет в том, что справедливость условий договора, навязанного венецианцами крестоносцам, не могла бы быть никем признана и, разойдись войско, вся Венеция была бы опозорена в глазах «общественного мнения». Разумеется, дож имел в виду в первую очередь Иннокентия III, который впоследствии и в самом деле с присущей ему решительностью и категоричностью осудил действия венецианцев (по крайней мере, на словах). Вкладывая мотивировку своих дальнейших предложений в уста дожа, хронист явно обнаруживает намерение оправдать его, а вместе с тем, и вождей крестоносной рати. Наивное на первый взгляд «озарение» дожа, который внесет им предложение завоевать Задар, есть не что иное, как реализация заранее продуманного решения: направить собранное в целях «освобождения Иерусалима» из всей Западной Европы войско против соперника Венеции – Задара.

Король Венгрии отнял у нас Задар¹⁷² в Склавонии¹⁷³, один из самых укрепленных городов на свете; каким бы могуществом мы ни обладали, нам никогда не отвоевать его иначе, кроме как при содействии этих людей. Предложим же им, чтобы они помогли нам его отвоевать, и мы предоставим им отсрочку для уплаты 34 тыс. марок серебра, которые они нам должны, до тех пор, пока Господь дозволит нам вместе зарабатывать их – нам и им»¹⁷⁴. Так был предложен этот договор.

¹⁷² Задар – крупный торговый центр на восточном побережье Адриатического моря, в Далмации. В XII в. между Венецией и Венгрией велась упорная борьба за овладение городом, который неоднократно переходил из рук в руки. В 1183 г. Задар отдался под покровительство венгерского короля Бела III – венгры изгнали тогда венецианского правителя и возвели в городе мощную крепость. В 1192 г. или 1193 г. Венеция попыталась было отвоевать его, но безуспешно. Венецианская плутократия, тем не менее, не оставляла намерений вернуть Задар под свое владычество и таким путем покончить с торговым могуществом соперника. Использование с этой целью сил крестоносной рати, оказавшейся в зависимости от Венеции, сулило последней заманчивую перспективу: представлялась возможность овладеть Задаром ценой наименьших затрат собственных людских ресурсов. Не случайно дож в своей речи, оттеняя могущество республики, указывает на ее неспособность самостоятельно отвоевать Задар; решить эту задачу можно не иначе, кроме как при содействии крестоносцев, к тому же, по условиям договора 1201 г., республика Св. Марка получила бы в свою пользу половину всей захваченной добычи.

¹⁷³ Склавония (Славония) – принятое на средневековом Западе обозначение Далмации.

¹⁷⁴ В этом рассуждении, вкладываемом хронистом в уста Энрико Дандоло, тоже довольно отчетливо обнаруживается чисто коммерческая, точнее, купеческо-ростовщическая, подоплека проекта: использовать власть Венеции над должником – крестоносной ратью, чтобы двинуть ее против Задара и сокрушить мощь со-

Ему самым решительным образом противились те, кто хотел, чтобы войско распалось: но, несмотря ни на что, договор был заключен и утвержден¹⁷⁵.

64

Однажды в воскресенье все они сошлись в церкви Св. Марка, и это было великое празднество¹⁷⁶; там собралось много люда из этой страны и большая часть баронов и пилигримов¹⁷⁷.

перника.

¹⁷⁵ Виллардуэн, как явствует из этих слов, постоянно оправдывает курс предводителей крестоносцев: ценой завоевания христианского Задара обеспечить продолжение Крестового похода. Обращают на себя внимание существенные различия в передаче этого эпизода, с одной стороны, Виллардуэном, с другой – Робером де Клари. Последний останавливается на событиях, связанных с предложением дожа, гораздо обстоятельнее, нежели маршал Шампанский. В частности, пикардийский хронист явно оттеняет непричастность «меньшего люда» к плану изменения направления Крестового похода, тогда как Виллардуэн, хотя и вскользь, но все же дает понять, будто в конечном счете было достигнуто общее согласие – принять условие венецианцев взамен обещанной ими отсрочки уплаты долга.

¹⁷⁶ В некоторых рукописях говорится о некоем «Празднике св. Марка» – на самом деле такого летом не бывает. Торжество, о котором рассказывает Виллардуэн, происходило в Праздник рождества Богородицы – 8 сентября. Такие сведения приводит, правда, без ссылок на источник, поздний автор, переведший на латинский язык в XVI в. хроника, – Паоло Раннузи. Верно, во всяком случае, что в 1202 г. 8 сентября приходилось на воскресенье, что вполне согласуется с текстом Виллардуэна. Сам он, впрочем, повествует о событиях таким образом, что можно думать, будто они имели место еще и до начала сентября.

¹⁷⁷ Виллардуэн, как, впрочем, и Клари, постоянно называет крестоносцев паломниками-«пилигримами». Так именовались тогда участники благочестивых

Перед тем как началась большая обедня¹⁷⁸, дож Венеции, которого звали Энрико Дандоло, взошел на амвон и молвил народу, и сказал ему: «Сеньоры, отныне вы соединились в союз с самыми лучшими на свете людьми и ради самого высокого дела, которое кем-либо когда-нибудь предпринималось. Я уже стар и немощен¹⁷⁹ и нуждаюсь в покое; к тому же мое тело изувечено¹⁸⁰. Но тем не менее я вижу, что нет среди вас никого, кто мог бы управлять и повелевать вами в этом деле, как я, ваш государь. Если вы позволите, чтобы я взял крест, дабы оберегать и вести вас, и чтобы на своем месте

странствований к «святым местам». По представлениям, распространенным в Западной Европе, крестоносцы тоже зачислялись в эту категорию, ибо и сами Крестовые походы считались своего рода «вооруженными паломничествами».

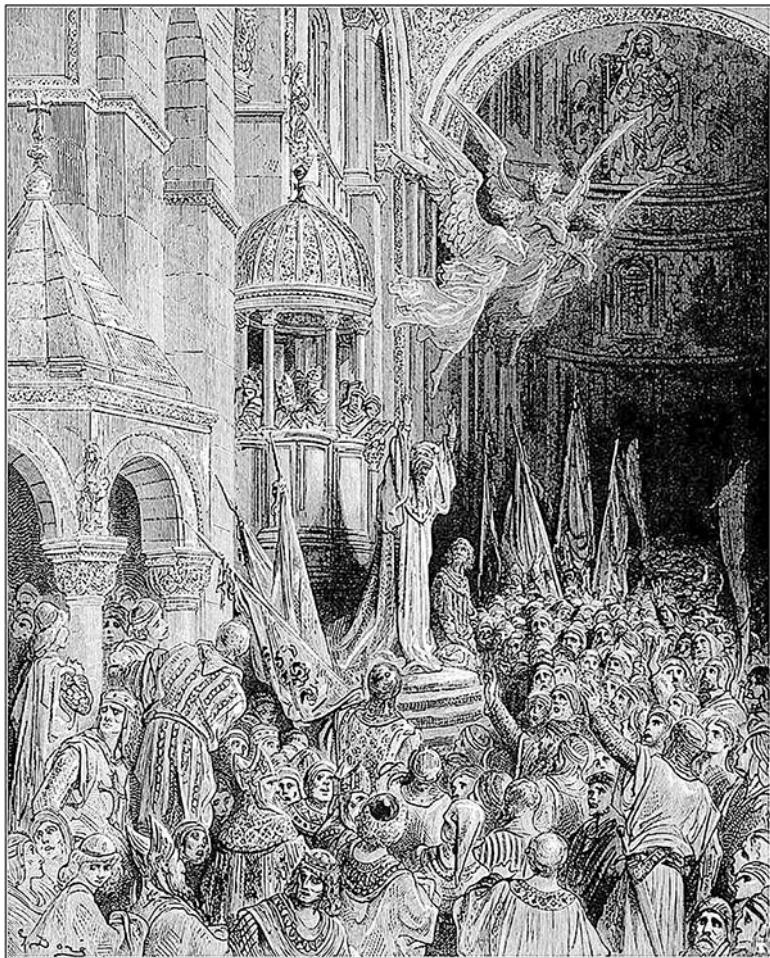
¹⁷⁸ Большая обедня – принятое в католической церкви торжественное богослужение по воскресным и праздничным дням.

¹⁷⁹ В подчеркивании Виллардуэном почтенного возраста его героя, физической дряхлости и слепоты последнего явственно сказывается стремление хрониста представить дожа по возможности в благоприятном свете. Особенно важно упоминание о том, что дож был незрячим человеком: обстоятельства, при которых он потерял зрение, могли служить обоснованием его смертельной ненависти к Византии. См. примеч. 165.

¹⁸⁰ Согласно рассказу венецианской хроники Андреа Дандоло еще в бытность свою послом в Константинополе Энрико Дандоло был по приказу императора Мануила ослеплен. Прочие венецианские авторы воспроизводят эту версию, отличающуюся, однако, от известий французских и фламандских хронистов, которые приводят иные причины слепоты дожа. Известия об ослеплении Энрико Дандоло (с помощью солнечных лучей, преломленных через стекло) содержатся также в Новгородской и Морейской хрониках.

остался мой сын¹⁸¹ и защищал бы страну, тогда я отправлюсь жить или умереть вместе с вами и пилигримами».

¹⁸¹ Сына дожа звали Райнальдо.

Дож Венеции обращается к крестоносцам

И когда они это услышали, то вскричали все в один голос: «Богом просим вас поступить именно так и отправиться с нами!»

Народ той земли и пилигримы были весьма тронуты всем этим, и много было пролито слез, ибо сей почтенный старец имел такие веские причины оставаться дома: ведь он был в преклонных годах и на его лице были прекрасные очи, коими, однако, он ни капли не видел, потому что потерял зрение от раны в голову. Это был муж поистине великой души! Ах! Как мало походили на него те, которые, чтобы избежать опасности, отправились в другие гавани!

Итак, он спустился с амвона и подошел к алтарю, и преклонил колени, рыдая; и ему нашили крест на его большую шапку¹⁸² из бумажной материи, потому что он хотел, чтобы люди видели этот крест. И многие венецианцы начали также в великом множестве принимать крест; а до того дня их взяло крест весьма немного¹⁸³. Наши пилигримы весьма обрадо-

¹⁸² Дожи носили высокую шапку. Обычно крест нашивался на плечо (или на грудь), но для Энрико Дандоло сделали исключение.

¹⁸³ Судя по известиям Робера де Клари (гл. XIV), отражавшего представление рядового рыцарства, венецианцы поначалу не слишком близко принимали к сердцу дела, связанные с походом на Восток. Решено было, что на корабли по-

вались и были сильно тронуты этим взятием креста по причине мудрости и доблести, которые соединялись у дожа.

69

Таким-то образом, как вы слышали, дож принял крест. Тогда начали доставлять нефы, и галеры, и юиссье баронам, чтобы отплыть в путь. Прошло уже столько времени после назначенного срока, что приближался сентябрь¹⁸⁴.

грузится половина венецианцев, способных носить оружие. Многие вообще отказались от участия в походе, так что для определения тех, кто отправится на Восток, пришлось даже прибегнуть к жеребьевке с помощью пары восковых шариков, причем в каждый второй был вставлен кусочек пергамента, и тот, кто вытягивал шарик с таким пергаментным язычком, считался обязанным отправиться в поход с крестоносцами.

¹⁸⁴ Сентябрь 1202 г.

[Первые предложения царевича Алексея (август 1202 г.)]

70

А теперь послушайте-ка об одном из самых великих чудес и об одном из величайших происшествий, о которых вы когда-либо слышали. В это время был в Константинополе император по имени Сюрсак¹⁸⁵; и был у него брат, который

¹⁸⁵ Сюрсак – византийский император Исаак II Ангел (1185–1195 гг. и 1203–1204 гг.). Виллардуэн называет его «Сюрсаком», вероятно, по созвучию «сир Исаак» (sire Jsaac), «подгоняемому» хронистом под привычную французскую терминологию («сир» – государь). Интересно, что Робер де Клари тоже именует этого императора, допуская фонетическое искажение, однако иного рода, на греческий лад: «Кирсак» («Kysac»), т. е. «господин Исаак». Кстати сказать, и русский паломник, побывавший в Константинополе около 1200 г., Добрыня Ядрейкович, впоследствии архиепископ Антоний Новгородский, в своих записках о путешествии («Книга паломник») называет Исаака Ангела Кирсаком. Исаак II Ангел (Сюрсак) был враждебно настроен по отношению к крестоносцам еще со времени Третьего Крестового похода (1189–1192 гг.). Накануне этого похода – в декабре 1188 г. послы императора, прибывшие в Германию на Нюрнбергский рейхстаг (их возглавлял константинопольский вельможа, носивший высокий чин логофета дрома, – Иоанн Дука), заключили соглашение с Фридрихом I Барбароссой: Византия приняла на себя обязательство обеспечить немецким крестоносцам беспрепятственный переход через ее владения и предоставить за умеренную плату продовольствие. Однако, не доверяя немецким крестоносцам, вассалевс чинил им всевозможные препоны во время прохождения по Балканам. А летом 1189 г., когда рыцари проходили по территории Венгрии, Исаак II подписал союзный договор с главным врагом крестоносцев – египетским султаном Салахом-ад-Дином. Отношения Исаака II с Фридрихом I особенно обострились

звался Алексеем¹⁸⁶ и которого он выкупил из плена у турок. Этот Алексей схватил своего брата, императора, и выколол ему глаза, и сделался императором¹⁸⁷ через такое предательство, как вы только что слышали. Долго держал он в заточении своего брата и его сына по имени Алексей¹⁸⁸. Сын этот вырвался из заточения и бежал на корабле, прибыв в некий приморский город, называвшийся Анкона. Оттуда он отпра-

после того, как в июле 1189 г. германский император завязал в сербском городе Нише переговоры с правителем Сербии Стефаном Неманей и с посланцами болгарских бояр (знати) Петром и Асенем: Фридрих Барбаросса явно натравливал правителей обоих славянских государств на Греческую империю. Во Фракии фактически развернулась необъявленная война между немецкими крестоносцами и Византией. Война эта грозила превратиться в открытый вооруженный конфликт обоих «союзников». При германском дворе вынашивались планы нападения на Константинополь. Византия оказалась перед лицом двойной опасности – со стороны штауфенской Германии и со стороны Сербии и Болгарии. Они состояли в дружественных отношениях между собой, причем Болгария только что – в результате восстания 1185–1187 гг. – уже добилась независимости, а Сербия находилась на пути к ее близкому достижению. Испытывая непосредственное давление немецких крестоносцев, подвергших разграблению болгарские владения Византии, Исаак II Ангел 24 февраля 1190 г. подписал в Андринополе новое соглашение с Германской империей. Оно было аналогично предыдущему, но включало ряд дополнительных уступок, которые касались поставок продуктов питания и фуража крестоносцам после того, как они переправятся в Малую Азию.

¹⁸⁶ Имеется в виду брат Исаака II Алексей III (1195–1203 гг.) Ангел-Комнин: двойное обозначение его династической принадлежности связано с тем, что по женской линии он «роднил» династию Ангелов с правившей в Византии ранее (до 1185 г.) династией Комнинов.

¹⁸⁷ Речь идет о дворцовом перевороте в Константинополе в 1195 г., в результате которого Исаак II был низвергнут, а престол занял Алексей III.

¹⁸⁸ Впоследствии Алексей IV (1203–1204 гг.).

вился к королю Германии Филиппу¹⁸⁹, чья жена была его сестрой¹⁹⁰. И он прибыл в Верону в Ломбардии, и остановился в этом городе, и застал там многих пилигримов, которые отправлялись оттуда в войско¹⁹¹.

71

И те, кто помог ему ускользнуть из темницы и кто был с ним¹⁹², сказали ему: «Сеньор, вот здесь, в Венеции, вблизи

¹⁸⁹ Германский король Филипп (1198–21 июня 1208 гг.) из династии Гогенштауфенов, четвертый сын Фридриха Барбароссы. Родился 26 июля 1178 г. Еще будучи герцогом Швабским, он в мае 1197 г. по настоянию своего брата, германского императора Генриха VI, продолжавшего агрессивную внешнюю политику Фридриха Барбароссы, стремившегося к подчинению Византии и рассчитывавшего, помимо силы оружия, также на возможности, предоставляемые династическим браком, женился на дочери Исаака II Ангела Ирине.

¹⁹⁰ Ирина, или, по другим сведениям, Мария – греческая царевна, дочь Исаака II Ангела, вдова последнего норманнского государя Сицилийского королевства – Рожера. Во время захвата Генрихом VI Сицилии (1194 г.) эта гречанка попала в Палермо в плен к немецким завоевателям. Чтобы получить формальный предлог для притязаний на византийскую корону, Генрих VI 25 мая 1197 г. женил на Ирине своего брата Филиппа, который после неожиданной смерти императора сам стал германским королем, точнее, одним из двух германских королей, в течение десяти лет соперничавших друг с другом (противником Филиппа Гогенштауфена выступал утвердившийся на троне при поддержке папы Иннокентия III племянник Ричарда Львиное Сердце Оттон Баварский из династии Вельфов).

¹⁹¹ Это были немецкие крестоносцы. Видимо, Алексей двинулся в Германию по так называемой Трентинской дороге, на которой стояла Верона. Именно этим путем шли к Венеции крестоносцы, состоявшие в отряде Мартина Линцкого.

¹⁹² Царевич Алексей бежал из Константинополя на корабле, принадлежавшем пизанцам, недовольным неуступчивой в отношении Пизы, добивавшейся возобновления своих торговых привилегий политикой Алексея III. Возможно, что

от нас, находится рать из лучших людей и лучших рыцарей на свете, которые собираются за море. Попроси их о милости¹⁹³, чтобы они сжалились над тобою и твоим отцом, которые столь несправедливо лишены своего наследства. И коли они захотят пособить тебе, ты согласишься исполнить все, что бы они устно ни предложили тебе¹⁹⁴. Быть может, их возьмет

именно в кругах пизанского купечества зародилась первоначально сама идея восстановления на византийском престоле сына Исаака II Ангела, с тем чтобы при его поддержке изменить курс Константинополя в сторону, благоприятную для расширения позиций пизанских негодантов, а венецианцы лишь сумели воспользоваться такого рода замыслами ради собственной выгоды, т. е. как бы перехватили инициативу изменения направления Крестового похода, вырвав ее из рук пизанцев. Такая гипотеза имеет под собой тем больше оснований, что, как известно, Венеция являлась торговым конкурентом Пизы, Генуи и других морских итальянских торговых республик. Она всегда старалась пресекать их любые коммерческие начинания, которые могли бы причинить ей ущерб. Тем не менее, хотя пизанцы и помогли царевичу Алексею бежать, предоставив ему свой корабль, не они все же были его непосредственными советниками. Эту роль исполнял, скорее всего, воспитатель царевича, который, судя по рассказу Робера де Клари (гл. XXVIII), организовал бегство Алексея, «ибо не хотел, чтобы дядя погубил его, – ведь он был более законным наследником, каковым не являлся его дядя Алексей».

¹⁹³ Несколько неожиданный переход с «вы» (*veez, criez*) на «ты» (*toi, ton pere, tu feras* etc.) довольно часто встречается в старофранцузских текстах и сам по себе не свидетельствует о какой-либо фамильярности обращения.

¹⁹⁴ Примечательна формула «совета», данного Алексею его наставником: «Ты согласишься исполнить все...», следовательно, любые требования крестоносцев. По-видимому, их предводители – дож Энрико Дандоло и маркиз Бонифаций Монферратский (намерения которых определенным образом отразились в изложении событий Виллардуэном), – вовлекая царевича Алексея в свою политическую игру, руководствовались соображениями, аналогичными тем, которые уже ранее старались реализовать венецианцы, договариваясь с крестоносцами о «пе-

жалость». И он сказал, что сделает это весьма охотно и что этот совет хорош.

72

Итак, он назначил послов и отправил их маркизу Бонифацию Монферратскому, который был предводителем войска, и к другим баронам¹⁹⁵. И когда бароны их увидели, то весьма

ревозе за море». Примечательно следующее обстоятельство: подобно тому как в 1201 г. Венеция навязала им заведомо неисполнимые денежные условия, что позволило ей впоследствии стать госпожой положения, так теперь Алексею дан был совет принять любые условия, которые будут выставлены его возможными «покровителями», и взять на себя любые обязательства для оказания ответной «помощи» крестоносцам за поддержку с их стороны. Действительно, в дальнейшем крестоносцы поступят с ним в принципе таким же образом, каким венецианцы обошлись с ними самими, т. е. навяжут ему весьма обременительные, по сути невыполнимые условия соглашения, а тот поневоле примет эти условия. Как раз невыполнимость их позволит крестоносцам обвинить Алексея IV в нарушении договора и объявить войну Византии, приведшую к созданию Латинской империи.

¹⁹⁵ Далее Виллардуэн, казалось бы, ясно сообщает (§ 74), что этот шаг был предпринят еще до прибытия в Венецию епископа Гальберштадтского, каковая дата точно известна: 13 августа 1202 г. Не противоречит ли это сообщение хрониста содержащемуся в данном параграфе известию, что царевич «назначил послов и отправил их к маркизу Бонифацию Монферратскому... и к другим баронам»? Ведь Бонифаций прибыл в Венецию, как видно из хроники «Константинопольское опустошение», лишь 15 августа 1202 г. Не исключено, однако, что царевич Алексей направил своих послов вовсе не в Венецию, а в какой-либо иной пункт. Как бы то ни было, остается фактом, во всяком случае, что Виллардуэн повествует о демарше юного Алексея уже после рассказа о взятии креста дожем Дандоло (§ 64–69); стоит отметить, вместе с тем, что в § 57 и сл. хронист опустил все, относящееся к вопросу о денежной задолженности крестоносцев, вплоть до развязки событий на данном этапе (участие в походе самого дожа). Иными сло-

изумились и сказали послам: «Мы хорошо понимаем, о чем вы говорите. Мы отправим вместе с ним к королю Филиппу¹⁹⁶ посольство – туда, куда сам он отправляется¹⁹⁷; коли он захочет пособить нам отвоевать Заморскую землю, то и мы пособим ему отвоевать его землю; ведь мы знаем, что она отнята у него и у его отца несправедливо»¹⁹⁸. Так были направлены послы в Германию к царевичу Константинопольскому и к королю Филиппу Германскому.

73

Еще перед тем, как случилось то, о чем мы вам поведали, в войско пришла весть, которой весьма были опечалены бароны и другие люди: о том, что мессир Фульк, достойный человек, праведник, который первым стал проповедовать крест,

вами, Виллардуэн излагает ход событий, далеко не всегда соблюдая хронологическую последовательность; ничто поэтому не мешает ему датировать дипломатическую акцию Алексея первой половиной августа 1202 г.

¹⁹⁶ То есть «отправим наших людей, которые будут сопровождать Алексея» – таков смысл этого ответа баронов, в обычной своей лапидарной манере передаваемого Виллардуэном.

¹⁹⁷ Царевич Алексей успел побывать в Риме (о чем Виллардуэн, как видно, либо не знает, либо умалчивает) и уже оттуда уехал ко двору Филиппа Гогенштауфена.

¹⁹⁸ Французский комментатор Виллардуэновой хроники Э. Фараль не без основания заметил, что, возможно, крестоносцы уже тогда конкретизировали свои условия оказания поддержки отцу и сыну Ангелам: соответствующие детали, правда довольно расплывчато, проступают в письме папы Иннокентия III от 16 ноября 1202 г., адресованном византийскому императору-узурпатору Алексею III, где содержится туманный намек на содержание этих условий.

опочил и умер¹⁹⁹.

74

И после этого происшествия²⁰⁰ к ним присоединился отряд добрых людей из Германской империи, которым они были очень рады²⁰¹. Туда прибыли епископ Гавестатский²⁰² и

¹⁹⁹ Фульк умер в мае 1202 г. Как видно из повествования хрониста, это произошло уже после отправления крестоносцев, или по крайней мере некоторой их части, в Венецию. Однако смерть настигла его, во всяком случае, до выступления Эда де Шанлитта и Гюи де Куси, которые, согласно рассказу автора хроники «Константинопольское опустошение», еще имели время забрать, действуя по повелению французского короля, значительные денежные суммы, собранные Фульком на нужды Крестового похода.

²⁰⁰ Имеются в виду обращение царевича Алексея к крестоносцам и переговоры, завязавшиеся у них как с Алексеем, так и с германским королем Филиппом.

²⁰¹ Чтобы упрочить позиции своего шурина, ведшего переговоры с предводителями крестоносцев (а Бонифаций Монферратский еще в декабре 1201 г. побывал в Хагенау, при дворе германского короля, где, судя по официальной биографии Иннокентия III («Деяния»), обсуждался и вопрос о том, чтобы «вернуть с помощью христианской рати и водворить на престоле Римской империи сына Исаака II – царевича Алексея»), Филипп Гогенштауфен, должно быть, уговорил кое-кого из германской знати примкнуть к Крестовому походу. Перечень некоторых немецких церковных и светских сеньоров приводится в последующих строках этого же параграфа.

²⁰² Так Виллардуэн называет Конрада фон Крозига, епископа Гальберштадтского (Гальберштадт – город примерно в полусотне километров к юго-западу от Магдебурга), прибывшего в Венецию через Богемию (Чехию), Австрию (Зальцбург) и Аквилею. В Венецию епископ приехал 13 августа 1202 г., т. е. уже после того, как была достигнута договоренность между вождями крестоносной рати и дожем против Задара. Поскольку епископ фон Крозиг не имел к этому делу никакого отношения, он обратился за советом к папскому легату Пьетро Капуанскому. Последний рекомендовал ему линию поведения, отчетливо обнаружив

граф Берту де Кассенельбоге, Гарнье де Борланд, Тьерри де Лоос, Анри д'Орм, Тьерри де Дьест, Роже де Сюитр, Александр де Виллер, Орри де Тон.

вавшую двуличие папской дипломатии уже на этой стадии Крестового похода: не удаляться от войска и по возможности снести все, что оно содеет. В дальнейшем этот прелат был одним из ревностных сторонников похода на Константинополь, а после неудачного штурма города 9 апреля 1204 г. вместе с епископами Суассонским и Труаским, а также преподобным Жаном Фасетом убеждал крестоносцев, как сообщает Робер де Клари, в том, что предстоящая битва является «вполне законной» (гл. LXXIII). 9 мая Конрад Гальберштадтский находился в числе выборщиков императора, а 16 мая участвовал в коронации Бодуэна Фландрского и получил свою долю добычи (реликвии). 17 августа 1204 г. уехал на Восток, где пробыл около полугода и через Венецию вернулся в Гальберштадт. Возможно, по его указанию и под его контролем была написана оставшаяся анонимной хроника Четвертого Крестового похода («Аноним Гальберштадтский»).

**[Крестоносцы в Задаре
(октябрь 1202 – апрель 1203 г.)]
[От Венеции до Задара (1
октября – 10 ноября 1202 г.)]**

75

И тогда нефы и юиссье были распределены между баронами²⁰³. О Боже! Какие прекрасные туда были введены кони! И когда нефы были нагружены оружием и съестными припасами и сели на суда рыцари и оруженосцы, вдоль бортов и у башен нефов были повешены щиты²⁰⁴ и флажки²⁰⁵, которых было такое множество и таких прекрасных²⁰⁶.

76

И знайте, что на нефах они везли более трехсот камнеметательниц и мангоньо²⁰⁷ и множество всяческих орудий, ко-

²⁰³ Галеры оставались под командованием дожа и венецианцев.

²⁰⁴ У каждого рыцаря имелся свой щит, в верхней части которого изображался фамильный герб.

²⁰⁵ Речь идет о рыцарских флажках, на которых тоже имелось изображение герба.

²⁰⁶ Флажки обычно прикреплялись на корабельные «башни» (см. § 132).

²⁰⁷ Мангоньо, или мангонно (иногда – мангонель) – метательные орудия типа катапульты.

торые нужны для взятия города. И более великолепный флот никогда не отплывал из какой-либо гавани²⁰⁸. А было это на

²⁰⁸ Об отплытии флота из Венеции гораздо детальнее повествует Робер де Клар (гл. XIII): «И каждый из знатных людей имел свой неф, для себя и для своих воинов, и свой юиссье, чтобы везти коней, и дож Венеции имел с собой пятьдесят галер, поставленных целиком за собственный счет. Галера, в которой он находился, была вся алого цвета, и на носу ее развевался алый шелковый флаг; здесь стояли четыре трубача, которые трубили, и кимвалы, которые гремели, выражая большую радость. И все знатные люди, клирики и миряне, малые и великие, выказывали при отплытии такую радость, какой никогда еще не слышали, да и флота такого никогда не было видано; а потом пилигримы заставили всех священников и клириков подняться на корабельные башни, и они пели там *Veni creator spiritus* („Приди, о дух всезидущий“ – начальные слова литургического песнопения. – *Примеч. перев.*). И все до единого, великие и малые, плакали от наплыва чувств и большой радости, которую они испытывали. И когда флот отплыл из гавани Венеции, все эти галиоты, все эти богатые нефы и столько других судов – это было со времени Сотворения мира самое великолепное зрелище: ведь там было по крайней мере сто пар серебряных и медных труб, которые все трубили при отплытии, и столько колокольчиков и барабанов, и иных инструментов, что это было настоящее чудо». Данные источников относительно численности флотилии, отбывшей из Венеции, разнятся между собой. Согласно хронике «Константинопольское опустошение» эскадра насчитывала 40 нефов, 72 галеры, 100 юиссье (всего 212 судов). По известию византийского историка Никиты Хониата, в ее состав входили 70 «круглых судов» (нефов), 60 «длинных судов» (галер), 110 дромонов (юиссье) (всего 240 судов). Венецианские анналы, использованные в XVI в. Паоло Раннузием, гласят, что там было 310 грузовых кораблей, из коих 240 с квадратными парусами (на этих судах перевозили воинов) и 70 для поклажи, а кроме того, 50 бирем, или галер, и 120 юиссье (всего 480 кораблей). Венецианский хронист Андреа Дандоло (XIV в.) называет число в 300 кораблей, приводя при этом имена адмиралов, навархов и 50 капитанов галер. По подсчетам итальянского исследователя А. Кариле, явно завышенным, численность венецианцев, отправившихся с флотом, равнялась 17 264 человек.

восьмой день после Праздника св. Реми²⁰⁹, в год от воплощения Иисуса Христа одна тысяча двести второй. Так отплыли они из гавани Венеции, как вы только что слышали.

77

Накануне Праздника св. Мартина²¹⁰ они прибыли к Задару в Славонии и увидели город, укрепленный высокими стенами и высокими башнями, и тщетно стали бы вы искать какой-нибудь город более прекрасный, более укрепленный и более богатый. И когда пилигримы увидели его, они сильно изумились, и одни сказали другим: «Каким образом можно взять силой такой город, если только этого не содеет сам Бог?»

78

²⁰⁹ Праздник св. Реми приходится на 1 октября, следовательно, по Виллардуэну, флот отплыл из Венеции 8 октября (через 8 дней после праздника). По данным некоторых других хронистов, отплытие состоялось 1 октября. В «Константинопольском опустошении» сообщается, кроме того, что флот, державшийся берегов Адриатического моря, подчинил Триест и Муглу. По Роберу де Клари (гл. XIII), флот проплыл через Пулу (в Истрии). Маршрут флота – его прохождение через Пирано и Триест – подтверждается двумя сохранившимися документами – договорами Венеции с Триестом и Муглой.

²¹⁰ Праздник св. Мартина приходится на 11 ноября, следовательно, флот с крестоносцами прибыл к Задару к концу дня 10 ноября (или в ночь с 10 на 11 ноября 1202 г.). Эту дату, подобно Виллардуэну, приводит и Аноним Гальберштадтский; согласно же сведениям автора хроники «Константинопольское опустошение» эскадра появилась перед Задаром в самый день Праздника св. Мартина, т. е. 11 ноября.

Первые нефы подошли к городу, и встали на якорь, и поджидали других. И на следующий день поутру была прекрасная и ясная погода, и подошли все галеры и юиссье вместе с прочими нефами, которые плыли позади; и ворвались с ходу в гавань, и разорвали цепь, которая была очень прочная и хорошо скована; и они высадились на сушу таким образом, что гавань оказалась за ними, а они – у города. И вы могли бы узреть тогда многих рыцарей и многих оруженосцев, выходивших из нефов и выводивших из юиссье множество добрых коней, а также узреть множество богатых шатров и множество палаток. Так расположилось войско, и Задар был осажден в Праздник св. Мартина²¹¹.

²¹¹ Иными словами, осада началась сразу же по прибытии сюда крестоносцев, т. е. месяц с небольшим спустя после отплытия флота из Венеции.

Монета с изображением Бонифация Монферратского

К этому времени прибыли не все бароны: так, не явился еще маркиз Монферратский, он оставался позади из-за одного дела, которое у него имелось. Этьен Першский остался больным в Венеции, а также Матье де Монморанси. А когда они выздоровели, то Матье де Монморанси отправился к

войску в Задаре. Однако Этьен Першский не поступил столь же хорошо, ибо он оставил войско и отправился в Пуй²¹². С ним поехали Ротру де Монфор и Ив де ла Жай и многие другие, которых сильно порицали за это²¹³, и в мартовский переезд они направились в Сирию²¹⁴.

²¹² По сообщению автора хроники «Константинопольское опустошение», корабль Этьена Першского «Фиалка» затонул при выходе из Венеции.

²¹³ Вероятно, «уклонившиеся» не доверяли Венеции и не намеревались рисковать жизнью ради ее корыстных интересов, предпочитая отстаивать собственные интересы на Востоке.

²¹⁴ «Мартовский переезд» – обычно паломники отплывали в Сирию дважды в год: весной (это и называлось «passage de Mars») и летом – в августе, во время Праздника св. Иоанна («августовский переезд», или «переезд Св. Иоанна» – «passage de Saint-Jean», или «passage d'aout»). Упоминаемые хронистом рыцари отправились на Восток в марте 1202 г.

[Осада и взятие Задара (12–24 ноября 1202 г.)]

80

На другой день после Праздника св. Мартина²¹⁵ из Задара вышли люди и направились для переговоров к дожу Венеции, который был в своем шатре, и сказали ему, что сдадут город и все свое добро на его милость, лишь бы им пощадили жизнь²¹⁶. А дож сказал, что не заключит ни такого, ни какого-либо иного договора иначе как с согласия графов и баронов и что он пойдет переговорить об этом.

81

Пока он отправился переговорить с графами и барона-

²¹⁵ То есть 12 ноября 1202 г. Цистерцианский монах-хронист Пьер де Во де Сернэй в своей «Истории альбигойцев» передает другую версию событий, излагаемых Виллардуэном в § 80–84 и связанных с поведением тех, кого в войске «сильно порицали». Этот хронист (он был племянником аббата Гюи де Во де Сернэй, крестоносца) рассказывает, что Симон де Монфор и сам он (аббат Гюи де Во де Сернэй) выступили против осады Задара; вместе со своими людьми они расположились лагерем на некотором расстоянии от города; при этом аббат Гюи прочитал в совете военачальников-крестоносцев послание Иннокентия III, запрещавшее нападать на христианский город.

²¹⁶ Очевидно, задарцы готовы были подчинить свой город Венеции, лишь бы избежать грабежей и кровопролития, которыми угрожали крестоносцы, если их действия, как можно было предполагать, увенчаются успехом.

ми, та часть пилигримов, о которой вы уже слышали раньше и которая хотела, чтобы войско распалось, завязала переговоры с задарскими послами и сказала им: «Почему вы хотите сдавать свой город? Пилигримы не нападут на вас, и вам нечего их опасаться. Если вы в состоянии защищаться от венецианцев, то можете быть спокойными». И вот послы выбрали одного из самих пилигримов по имени Роберт де Бов²¹⁷, который подошел к городским стенам и сказал жителям то же самое. И возвратились послы в город, а соглашение так и не было достигнуто.

82

Когда дож Венеции явился к графам и баронам, то сказал им: «Сеньоры, те, кто в городе, хотят сдать его на мою милость при условии, что им пощадят жизнь; но я не заключу ни такого, ни какого-нибудь другого договора иначе как по вашему совету». И бароны ответили ему: «Сеньор, мы со-

²¹⁷ В свидетельствах латинских хронистов об «оппозиции», проявившейся в крестоносном войске, имеются несовпадения. По данным Робера де Клари (гл. XIV), «оппозицию» возглавляли граф Симон де Монфор (что согласуется с известиями Пьера де Во де Сернэй, автора «Истории альбигойцев») и Ангерран де Бов. Виллардуэн называет в качестве второго предводителя той партии, которая противилась захвату Задара, Робера де Бов, чье поведение он освещает в явно неодобрительном тоне. Ангерран де Бов вскоре уехал в Венгрию, так как не разделял проектов венецианской олигархии и баронской верхушки, добивавшихся у папы «прощения» за захват Задара. Робер де Бов находился вместе с епископом Нивелоном Суассонским в составе посольства, направленного крестоносцами после захвата Задара в Рим (§ 105), откуда, не возвратившись в войско «пилигримов», уехал в Сирию (§ 106).

ветуем вам заключить его, и мы просим вас об этом». И он сказал, что так и поступит. И они все вместе отправились в шатер дожа, чтобы заключить договор, и обнаружили, что по совету тех, кто хотел распадаения войска, послы ушли оттуда.

83

И тогда встал некий аббат из Во, из ордена цистерцианцев²¹⁸, и сказал им «Сеньоры, я запрещаю вам именем римского апостолика²¹⁹ нападать на этот город, ибо в нем живут христиане²²⁰, а ведь вы пилигримы». И когда дож это услы-

²¹⁸ Гюи, глава обители цистерцианского ордена в Во-де-Сернэй. Позже в знак протеста против вмешательства крестоносцев в греческие дела уехал в Венгрию.

²¹⁹ Иннокентий III наверняка знал о предстоявшем походе против Задара. В октябре 1202 г. его известил об этом легат римской курии, прикомандированный к войску крестоносцев, кардинал Пьетро Капуанский, который, по словам папского биографа, «ясно открыл папе злое намерение венецианцев». Возможно, что папа был информирован о подготовке войны против Задара и Бонифацием Монферратским, посетившим Рим одновременно с легатом. Туда же, кстати, отправились и гонцы от тех крестоносцев, которые, как записал в своей хронике эльзасский монах Гюнтер Пэрисский, считали «недопустимым для христиан... обрушиваться на христиан же убийствами, грабежами, пожарами».

²²⁰ Как упоминал позже в одном из своих писем Иннокентий III, жители Задара, чтобы дать знать «пилигримам» о том, что он является христианским городом, вывесили на его стенах и башнях иконы и знаки креста. Мало того, судя по сведениям Робера де Клари (гл. XIV), задарцы заручились папской грамотой, угрожавшей отлучением всякому, кто нападет на город; они переслали эту грамоту дожу и предводителям крестоносцев – в надежде предотвратить осаду и приступ своего города. Возможно, именно на эту грамоту указывал аббат Гюи де Во де Сернэй, когда пытался именем папы воспрепятствовать нападению на Задар.

шал, он сильно рассердился и разгневался и сказал графам и баронам: «Сеньоры, я собирался заключить соглашение с этим городом, чтобы он сдался на мою милость, а ваши люди мне помешали; но вы же уговорились со мной, что поможете мне его завоевать, и я требую от вас сделать это»²²¹.

84

Тотчас графы и бароны и те, кто держал их сторону, переговаривали между собой и сказали: «Они нанесли нам дерзкое оскорбление, те, кто порушил это соглашение; и не проходило еще ни одного дня, когда бы они ни старались разъединить эту рать. Мы опозорены, коли не поможем взять город». И они пришли к дожу и сказали ему: «Сеньор, мы пособим вам взять город назло тем, кто воспротивился этому»²²².

²²¹ В гораздо более категоричной и жесткой форме изображает позицию дожа Энрико Дандоло пикардийский хронист Робер де Клари. По его словам, дож заявил будто бы следующее: «Сеньоры, знайте, что я ни под каким видом не откажусь отомстить им, даже ради апостолика» (гл. XIV). Виллардуэн же как бы перекладывает ответственность за происшедшие впоследствии события на тех крестоносцев, которые советовали задарцам ничего не опасаться со стороны «пилигримов», поскольку если город не будет вынужден одними лишь венецианцами к сопротивлению, то у жителей вообще не возникнет необходимости прибегать к силе: ведь папа римский запретил «пилигримам» нападать на христианский город и т. д. Иными словами, во всем случившемся виноваты, по Виллардуэну, именно противники венецианских планов, дезориентировавшие задарцев и сорвавшие наметившееся было мирное урегулирование.

²²² Текст, который еще раз свидетельствует о том, что, по-видимому, крестоносцы, сопротивлявшиеся планам дожа, составляли довольно обширную группировку в войске «пилигримов».

Штурм Задара

85

Так было принято решение. И поутру²²³ они расположились перед городскими воротами и расставили свои камнеметательницы, мангоньо и другие свои орудия, которых у них имелось предостаточно²²⁴. А над морем они подняли мо-

²²³ 13 ноября 1202 г.

²²⁴ Согласно хронике «Константинопольское опустошение» осада велась весьма ожесточенно «с суши и с моря», в ход была пущена вся «осадная техника» – свыше 150 камнеметов и «масса других орудий», которой располагали захватчики; Гюнтер Пэрисский также замечает, что они осадили Задар, «наведя большой страх и произведя ужасающий шум», правда, с его точки зрения, сделали это лишь потому, что хотели, не откладывая, покончить «с неприятным и ненавистным для них самих делом». Вообще, судя по рассказу этого хрониста, если крестоносцы в течение трех дней овладели городом, то, собственно, не столько благодаря активным действиям против него, сколько посредством угроз, не учи-

стики на нефях²²⁵. И тогда камнеметательницы начали забрасывать камнями город и бить по стенам и башням. Приступ этот длился таким образом около пяти дней. И тогда они подослали к одной из башен своих людей для подкопа, и те начали вести подкоп стены. И когда увидели это те, кто был в городе, они стали просить о соглашении точно таком же, которое отвергли по совету тех, кто хотел, чтобы рать распалась.

нив ни убийств, ни кровопролития. В свете весьма откровенного повествования Виллардуэна попытки такого рода обнаруживают свою явную несостоятельность.

²²⁵ Les eschieles (букв. «лестницы» – перекидные мостики, сооружавшиеся из деревянных рангоутов, или нок-рей, т. е. длинных перекладин), которыми крепились к мачтам треугольные («латинские») паруса, оснащавшие обычно венецианские, как и другие итальянские, корабли. На каждом мостике могли поместиться три-четыре воина. Взирались на эти мостики по ступенькам (отсюда название); каждый мостик был огражден по бокам барьером из грубой, плотной холщовой ткани, защищавшей воинов от стрел противника. Мостик перебрасывался над морем с носовой части судна и имел в длину то ли сотню «стоп» (судя по письму графа Гюга де Сен-Поля герцогу Анри Лувенскому), то ли «сорок туаз и более того», по данным Робера де Клари (туаза равнялась примерно шести футам). Эти приспособления довольно подробно описаны также Гюнтером Пэрисским, составившим свою хронику со слов очевидца событий Четвертого Крестового похода.

**[Конфликт между
крестоносцами и венецианцами
(конец ноября 1202 г.)]**

Так город был сдан на милость дожа Венеции под условием пощадить жизнь горожанам²²⁶. И тогда дож пришел к графам и баронам и сказал им: «Сеньоры, мы завоевали этот город милостью Божьей и вашей. Наступила зима, и мы не сумеем двинуться отсюда раньше Пасхи²²⁷, ибо мы не найдем ни в каком-нибудь другом месте рынка, где могли бы брать съестное; а этот город весьма богат и в избытке обеспечен всяким добром; поделим-ка его надвое, и мы возьмем себе одну половину, а вы другую»²²⁸.

²²⁶ Поскольку приступ длился пять дней, начавшись 13 ноября, постольку датой взятия города можно предположительно считать 18 ноября (самая ранняя дата). Однако Виллардуэн не указывает продолжительность подготовки к приступу – установки осадных орудий, их отладки и пр. Согласно сообщению автора хроники «Константинопольское опустошение» Задар сдался через 15 дней, следовательно, если считать со дня прибытия флота к берегам Далмации (10 ноября), 24 ноября 1202 г. Эта дата совпадает и с приводимой в хронике Анонима Гальберштадтского – «в Праздник блаженного Хрисогона», каковой приходился на 24 ноября. Что касается судеб жителей города, то им действительно пощадили жизнь, но сам город подвергся безжалостному разграблению, о чем сообщается в упомянутых выше хрониках. Аноним Гальберштадтский, в частности, отмечает «раздел добычи», произведенный завоевателями.

²²⁷ Со времени отплытия флота из Венеции до капитуляции Задара прошло свыше семи недель, следовательно, по плану дожа, предстояло задержаться в городе примерно на пять месяцев.

²²⁸ Дож, несомненно, стремился нанести возможно больший ущерб торговому сопернику Венеции – Задару. Расквартирование войска крестоносцев на зимний период было бы весьма обременительным для задарцев; как побежденным, им

Как порешили, так и сделали. Венецианцы получили часть города вблизи гавани, где стояли суда, а французы получили другую часть. И были поделены дома для постоя в каждой части, как и следовало, и рать покинула лагерь, вошла в город и разместилась в нем.

И когда они разместились, на третий день²²⁹ под вечер в войске случилась большая беда, ибо между венецианцами и французами началась распря весьма великая и весьма яростная; и со всех сторон схватились за оружие; и распря была столь велика, что мало было улиц, где не велось бы великое сражение мечами и копьями, и арбалетами, и дротиками; и множество людей было там ранено и убито²³⁰.

Венецианцы, однако, не могли выдержать боя и начали те-

пришлось бы обеспечивать победителей продовольствием, а их коней – фуражом, не говоря уже о предоставлении жилищ для постоя и пр.

²²⁹ Таковую же датировку дает автор хроники «Константинопольское опустошение» («на третий день по вступлении в Задар»).

²³⁰ По сообщению той же хроники, погибло около сотни человек. Об этой ожесточенной распре и о рукопашных схватках рассказывает также Робер де Кларе, по известию которого, однако, существенно уточняющему ситуацию, конфликт вспыхнул между венецианцами и «меньшим людом пилигримов», а рыцарям пришлось употребить немало усилий, чтобы погасить вражду сторон.

рять многих; и рассудительные люди, которые не хотели зла, ввязались, вооруженные, в схватку и начали ее унимать²³¹; и когда они разнимали ее в одном месте, она возобновлялась в другом. Таким образом продолжалось дело до глубокой ночи; и с великим трудом и великими усилиями они все же разняли бившихся. И знайте, что это была самая большая беда, которая случалась когда-либо в войске; и недоставало малого, чтобы рать была совсем загублена. Однако Бог не захотел, чтобы она так пострадала.

90

Весьма велики были потери с обеих сторон. Там был убит некий знатный человек из Фландрии по имени Жиль де Ланда; во время схватки он был поражен в глаз и умер от этого удара²³², и многие другие погибли, о которых в войске столько не говорилось. И дож Венеции, и бароны были целую неделю весьма озабочены тем, чтобы установить мир после этой схватки, и они действовали так усердно, что мир, бла-

²³¹ Автор хроники «Константинопольское опустошение» уточняет: вспыхнул «мятеж» – следовательно, произошла не просто беспорядочная рукопашная «свалка» или «распря» (meslee), как рисует ее Виллардуэн, а настоящее сражение, участников которого пришлось разнимать, «мятежников» же умиротворять силой.

²³² Жиль де Ланда – фламандский сеньор. Известие Виллардуэна интересно в том отношении, что лишний раз свидетельствует о значительном размахе возмущения против венецианцев: оно охватило не одну только рыцарскую мелкоту, но и какую-то часть знати.

годарением Божиим, был водворен²³³.

²³³ Виллардуэн, как и Робер де Клари, подчеркивает, что примирения удалось достигнуть лишь ценой больших усилий: переговоры заняли целую неделю. Пикардиец отмечает, кроме того, что примирение явилось окончательным и имело прочный характер.

[Договор крестоносцев с царевичем Алексеем (январь 1203 г.)]

91

Через пятнадцать дней после этого прибыл маркиз Бонифаций Монферратский, который до того еще не явился, и Матье де Монморанси, и Пьер де Брасье, и многие другие доблестные мужи. А спустя еще пятнадцать дней возвратились послы из Германии, которые прибыли от короля Филиппа и от юного наследника Константинопольского²³⁴. И бароны, и дож Венеции собрались в некоем дворце, где расположился дож. И тогда послы обратились к ним и сказали: «Сеньоры, нас послал к вам король Филипп и сын императора Константинопольского, который приходится братом его жене»²³⁵.

92

«Сеньоры, – сказал король, – я посылаю к вам брата моей жены, и я отдаю его в десницу Божию и в ваши руки. Так

²³⁴ Приблизительно 25 декабря (по крайней мере, судя по данным Виллардуэна). Согласно свидетельству автора хроники «Константинопольское опустошение», «посол короля Филиппа» прибыл около 1 января 1203 г.

²³⁵ Valet (букв.) – молодого человека – речь идет о царевиче Алексее (IV).

как вы отправляетесь биться за дело Божье, и за право, и за справедливость, то должны, коли можете, возвратить наследственное достояние тем, у кого оно несправедливо отобрано. И царевич заключит с вами самое знатное соглашение, какое когда-нибудь вообще заключалось с кем-либо, и окажет вам самую щедрую помощь, чтобы отвоевать Заморскую землю».

93

«Прежде всего, коли угодно будет Богу, чтобы вы возвратили царевичу его наследие, он поставит всю империю Романии²³⁶ в подчинение Риму, от которого она некогда отложилась²³⁷.

Далее, он знает, что вы поизрасходовались и что вы обеднели; и он даст вам 200 тыс. марок серебра и провизию для всей рати, малым и великим. И он самолично отправится с вами в землю Вавилонскую²³⁸ или пошлет туда своих послов, коли вы сочтете это за лучшее, с 10 тыс. ратников за свой счет; и он будет оказывать вам эту службу один год. А все дни своей жизни он будет держать в Заморской земле на свой счет 500 рыцарей».

²³⁶ Империя Романии, т. е. Византия.

²³⁷ ele – относится к Romanie; речь идет о схизме (церковном расколе), начавшейся в середине IX в. в патриаршество Фотия и завершившейся в 1054 г. при патриархе Михаиле Керуларии.

²³⁸ То есть в Египет.

«Сеньоры, – сказали послы, – мы имеем все полномочия, чтобы заключить такое соглашение, если вы со своей стороны хотите заключить его. И знайте, что столь знатное соглашение никогда не предлагалось кому-либо и что тот, кто откажется заключить его, тот, значит, вовсе не имеет большой охоты к завоеваниям»²³⁹. И бароны сказали, что обсудят это; и на другой день назначена была сходка; и когда они собрались, им передали эти слова²⁴⁰.

²³⁹ В передаче хрониста, послы здесь говорят уже от собственного лица.

²⁴⁰ Речь идет, конечно, об условиях соглашения. Они излагаются, кстати, более или менее полно многими авторами, современными походу, рассказывающими о Крестовом походе, однако наиболее обстоятельным является изложение, даваемое в письме графа Гюга де Сен-Поля к герцогу Анри Лувенскому и в записках Робера де Клари, в основных чертах совпадающее с тем, что говорит Жоффруа де Виллардуэн. Повествование пикардийского рыцаря в особенности выделяется прямотою и искренностью: «Дож Венеции хорошо видел, что крестоносцы находятся в стесненном положении; и вот он обратился к ним и сказал: „Сеньоры, в Греции имеется богатая и полная всякого добра земля; если бы нам подвернулся какой-нибудь подходящий повод отправиться туда и запасть в той земле съестным и всем прочим, пока мы не восстановили бы хорошенько наши силы, то это казалось бы мне неплохим выходом, и в таком случае мы сумели бы двинуться за море“. Тогда встал маркиз и сказал: „Сеньоры, на Рождество прошлого года я был в Германии при дворе моего сеньора императора. Там я видел одного молодого человека, брата жены императора Германии. Этот человек был сыном императора Кирсака из Константинополя, у которого один из его братьев предательски отнял Константинопольскую империю. Тот, кто смог бы заполучить себе этого молодого человека, сказал маркиз, легко бы сумел двинуться в землю Константинопольскую и взять там съестные припасы и пр., ибо молодой человек является ее законным наследником“» (гл. XVII). Из сообщения хрониста явствует,

Там говорено было и так и сяк. И говорил аббат де Во из ордена цистерцианцев, и говорила та часть, которая хотела распадаения войска; и они сказали, что ни в коем случае не согласятся²⁴¹, потому что это значило бы выступить против христиан, а они отправились совсем не для того и хотят идти в Сирию²⁴².

что венецианско-монферратско-германская дипломатия была разработана весьма детально. Граф Гюг де Сен-Поль в указанном письме сообщает, будто Алексей обещал выплатить по 200 тыс. марок и крестоносцам, и венецианцам, что не находит подтверждения ни в одном ином источнике.

²⁴¹ То есть не согласятся на такой договор.

²⁴² Как видно из рассказа Виллардуэна, до января 1203 г. намерения предводителей крестоносной рати были скрыты от рыцарства и рядовых воинов, взявших крест со вполне определенными намерениями и имевших в качестве цели освобождение Святой земли от «неверных». Когда на совете в Задаре подверглись обсуждению предложения послов царевича Алексея и германского короля Филиппа, многим стало ясно, что вожди, руководствуясь собственными мотивами, решили повернуть войско на Константинополь. Отсюда – бурные споры, вспыхнувшие на совете. Видные участники – церковнослужители и рыцари – отказались принять предложения об изменении направления похода. Попытка такого вторичного «уклонения с пути» была (после захвата Задара) новым, притом важнейшим, политическим актом дожа и венецианцев. Оппозиция, проявившаяся в войске по отношению к предложению царевича Алексея и короля Филиппа Гогенштауфена, выразилась, по Виллардуэну, в речах, произнесенных на заседании совета в Задаре, вероятно, в начале января 1203 г. (§ 94–99); в серии «измен», т. е. дезертирств из войска (§ 100–102, 106, 109); в своеобразном «заговоре» части сеньоров и рыцарей на о. Корфу. По рассказу автора хроники «Константинопольское опустошение», когда Бонифаций Монферратский и бароны приняли предложения, внесенные 1 января 1203 г. германским послом, тотчас, узнав

об этом, собрался «народ», который заявил, что не пойдет в Грецию. Аббат де Во, Симон де Монфор, Ангерран де Бов, а с ними и многие другие рыцари отправились в Венгрию. В этой хронике, однако, нет ни слова об осложнениях возникших на о. Корфу. Напротив, Гюг де Сен-Поль в своем письме к Анри Лувенскому, а также Робер де Клари, опуская какие-либо упоминания о заседании совета в Задаре, повествуют лишь о событиях, разыгравшихся позднее на Корфу. Первый сообщает, что «толпа пилигримов» были враждебны замыслу, в соответствии с которым поход менял направление: почти все хотели отправиться прямо в Акру. Прочие же (а их было свыше двадцати человек) доказывали, что не сумеют ее достичь из-за отсутствия продовольствия, денег для оплаты, из-за отсутствия осадных дел мастеров, умевших обращаться с осадными орудиями. Тогда противники антигреческого проекта потребовали гарантии, что крестоносцы не задержатся в Константинополе более одного месяца. Им было разъяснено, что официальное обещание такого рода, если выступить с ним открыто, лишь побудит греков к сопротивлению, после чего участники оппозиции получили требуемые гарантии тайным образом. Робер де Клари (гл. XXXIII) отмечает, что противники отклонения похода от цели обеспокоились о другом: останется очень мало времени, в течение которого еще можно будет пользоваться венецианским флотом; та же мысль сквозит в хронике Анонима Гальберштадтского, где понимание данного обстоятельства приписано Филиппу Швабскому. Сторонники константинопольской авантюры, однако, ответили «оппозиции», что целесообразно ввиду нехватки продовольствия и именно для того, чтобы добыть его, отправиться в Грецию («тогда мы сможем успешно действовать...»). Из этих далеко не во всем совпадающих между собой известий явствует, что лишь с большим трудом крестоносцы приняли, в конце концов, соглашение, предложенное константинопольским наследником и теми, кто за ним стоял. Напротив, Аноним Гальберштадтский утверждает, что соглашение было принято «единодушно», а Гюнтер Пэрисский, во всяком случае, старается приуменьшить размеры «оппозиции» («немногие отъехали») – тенденция, видимо, объясняемая нежеланием обоих хронистов умалить престиж Филиппа Швабского. В действительности соглашение было подписано лишь несколькими баронами, не посчитавшимися с «оппозицией».

Другая же сторона отвечала им: «Добрые сеньоры, в Сирии вы ничего не сможете сделать, и вы скоро убедитесь в этом сами, увидев тех, которые оставили нас и отправились в другие гавани. И знайте, что Заморская земля будет отвоевана не иначе как через Вавилонскую землю или через Грецию, если вообще будет когда-нибудь отвоевана; а коли мы откажемся от этого соглашения, то навсегда будем опозорены».

97

Вот так-то рать пребывала в раздорах; и вы не удивляйтесь, что миряне были в раздорах, белые монахи из ордена цистерцианского тоже находились в раздорах²⁴³. Аббат Лоосский²⁴⁴, муж весьма святой и праведный, а также и другие аббаты, которые держали его сторону, проповедовали и взывали к людям о милосердии – во имя Бога удержать войско

²⁴³ По Анониму Гальберштадтскому, папа прикомандировал к войску четырех цистерцианских аббатов.

²⁴⁴ Симон, цистерцианский аббат в Лоосе во Фландрии, в одном лье к юго-западу от Лилля. Занимал должность аббата в 1187–1203 гг. Был в числе тех цистерцианцев, которые в противовес Гюи де Во де Сернэй и его сторонникам рьяно ратовали в Задаре за поход на Константинополь. Он принял в 1203 г. участие в первом приступе византийской столицы; умер осенью 1203 г. Виллардуэн всегда отзывается о нем в хвалебных выражениях (§ 95–97, 206). Кстати, такая же в данном случае и оценка, даваемая Робером де Клари (гл. XXIII), согласно сообщению которого, впрочем, этот церковнослужитель якобы проповедовал среди крестоносцев в апреле 1204 г., что неверно: видимо, пикардиец перепутал аббата де Лоос с аббатом де Лочедио.

в целости и заключить это соглашение, ибо это такое дело, посредством которого лучше всего можно отвоевать Заморскую землю. А аббат де Во и те, кто держал его сторону, проповедовали и постоянно твердили, что все это зло и что надо бы отправиться в Сирию и содейть там то, что сумеют!

98

И тогда вмешались маркиз Бонифаций Монферратский и Бодуэн, граф Фландрии и Эно, и граф Луи, и граф Гюг де Сен-Поль, и те, кто держал их сторону, и они сказали, что заключат это соглашение, ибо будут опозорены, коли отвергнут его²⁴⁵. И вот они пошли в дом дожа²⁴⁶; и были вызваны

²⁴⁵ Поскольку в этом случае весь поход расстроился бы (см. § 115). Интересно, что Виллардуэн, в сущности, ничего не говорит о мотивах, которые побудили Бонифация Монферратского и других предводителей крестоносцев принять предложения послов царевича Алексея и его немецкого «покровителя» (Филиппа Гогенштауфена), не раскрывает глубинной подоплеку этих мотивов, ограничиваясь тем, что рассказано в § 96 и 97. Многие другие современные походу авторы (Робер де Клари в гл. XVI и XVII, Аноним Гальберштадтский и др.) тоже констатируют лишь серьезную озабоченность, царившую тогда в войске из-за нехватки съестного. И, судя по рассказу, содержащемуся в письме Гюга де Сен-Поля к герцогу Анри Лувенскому, как раз это обстоятельство предопределило позицию предводителей войска. Позднее, в июле 1205 г., сам Бонифаций Монферратский, чтобы «оправдаться» перед Иннокентием III, в свою очередь, подчеркнет данный фактор в своем письме к папе. Однако из различных источников (папская переписка, хроники и др.) известно, что еще в конце 1201 – начале 1202 г. в Германии и в Риме велись дипломатические переговоры (их осуществляли послы, отправившиеся туда, включая самого Бонифация Монферратского), и уже тогда, во время этих переговоров, обсуждался вопрос о том, чтобы, по словам анонимного папского биографа, «вернуть в Константинополь с помощью

послы²⁴⁷; и заключили соглашение на таких условиях, о которых вы уже слышали, скрепив его клятвами и грамотами с висячими печатями.

99

И книга поведает вам, что было только 12 человек, которые принесли клятву со стороны французов²⁴⁸, а больше не нашлось²⁴⁹. Среди них были маркиз Монферратский, граф Бодуэн Фландрский, граф Луи Блуаский и Шартрский, и граф Гюг де Сен-Поль, и восемь других, которые держали их сторону²⁵⁰. Так заключено было соглашение, и изготовлены

христианского войска и водворить на престоле Римской империи» сына Исаака II Ангела – Алексея. Иными словами, события, передаваемые Виллардуэном, не были для тех, кто находился в «курсе дел», чем-то неожиданным, вызванным преходящими, попутными причинами и соображениями.

²⁴⁶ Примечательная деталь: подписание соглашения происходило в резиденции Энрико Дандоло – факт, ясно указывающий не только на его особую заинтересованность в заключении такого соглашения, но и на то, что бароны, сторонники поворота похода к Константинополю, молчаливо признали главенствующую роль венецианского дожа.

²⁴⁷ То есть послы царевича Алексея и Филиппа Гогенштауфена.

²⁴⁸ По Роберу де Клари, соглашение одобрили также епископы, находившиеся с крестоносной ратью (гл. XXXIX).

²⁴⁹ Речь идет не только о крестоносцах из Иль-де-Франса, но и из большей части Франции, занявших тогда позицию, враждебную проектам и предложениям, внесенным царевичем Алексеем и Филиппом Швабским через их послов.

²⁵⁰ Несомненно, что как раз к этому эпизоду относятся события, о которых сообщает в своем письме к герцогу Анри Лувенскому Гюг де Сен-Поль, смешивая случившееся в Задаре с происшедшим позже на о. Корфу и с полным основанием утверждая, что лишь немногие крестоносцы благоприятно отнеслись

грамоты, и назначен срок, когда придёт молодой наследник; и сроком этим определен был пятнадцатый день после Пасхи.

к проекту. В одной из рукописей хроники Виллардуэна сторонниками соглашения, «узаконившего» поход в Грецию, названы 16 баронов: Бонифаций Монферратский, Луи Блуаский, Матье де Монморанси, Жоффруа де Виллардуэн, Конон Бетюнский, Милон ле Бребан, Жан де Фуанон, Жан Фризский, Пьер де Брасье, Ансо де Кайо, Ренье Тритский, Макэр де Сент-Менеу, Милон Лилльский, а также епископы Гальберштадтский и Труаский и Жан де Фасет. В этом перечне отсутствуют граф Бодуэн Фландрский и граф Гюг де Сен-Поль. Естественно, возникает недоуменный вопрос: каким же образом соглашение мог подписать Конон Бетюнский, коль скоро этого не сделал Бодуэн Фландрский? Что касается упоминания в этом перечне трех князей церкви, то оно, вероятно, вполне оправданно: примечательно, что и Робер де Клари, как уже было сказано выше, говорит об одобрении епископами в войске антиконстантинопольского замысла (гл. XXXIX): «Епископы сказали, что это не только не явится грехом, но, скорее, благочестивым деянием»).

[Дезертирство из войска (январь – март 1203 г.)]

100

Так всю эту зиму пребывала французская рать в Задаре, супротив короля Венгрии. И знайте, что сердца у людей не были в ладу с миром, ибо одна из сторон добивалась, чтобы войско распалось, а другая – чтобы оно удержалось в целости²⁵¹.

101

Многие из меньшого люда убегали на купеческих нефах²⁵². На одном нефе бежали почти пятьсот человек, и все они утонули и погибли. Другая группа бежала сушей и

²⁵¹ Постоянно акцентируя мысль о том, будто противники венецианских авантюров стремились лишь к разложению войска, Виллардуэн, безусловно, проявляет необъективность в подходе к оценке действительного положения вещей. Подлинная суть состояла в ином: часть крестоносцев, притом значительная, ясно дали понять, что не намерены превращаться в слепое орудие корыстолюбивой политики венецианской олигархии.

²⁵² По рассказу автора хроники «Константинопольское опустошение», меньшой люд испытывал большие лишения и, страдая от голода, проявлял недовольство, тем более что знать присвоила себе почти всю добычу, взятую в Задаре. Он сообщает далее, что тысяче человек, настоятельно потребовавших у баронов корабли, позволено было уехать: эта тысяча ратников погрузились на предоставленные им суда и достигли Анкони. Кроме того, дезертировало свыше тысячи других «воинов креста», но два юиссье из тех, которые их перевозили, затонули.

собиралась пройти через Склавонию; и жители той земли напали на них и многих поубивали; а другие возвратились, прибежав обратно в войско. И таким образом с каждым днем рать уменьшалась. В это самое время некий знатный человек из войска, он был из Германии, Гарнье де Борланд²⁵³, содеял такое, что сел на какой-то купеческий неф и оставил рать, за что его сильно хулили.

102

Немного времени спустя некий знатный барон из Франции по имени Рено де Монмирай при поддержке графа Луи упросил, чтобы его отправили в посольство в Сирию на одном из нефов флота: и положив ладонь правой руки на святые мощи, он поклялся, что и он, и все рыцари, которые с ним отправятся, вернутся в войско через пятнадцать дней после того, как придут в Сирию и выполнят свое поручение: под этим условием он уехал от войска²⁵⁴ и с ним Эрве де Шатель, его племянник, Гийом, видам Шартрский²⁵⁵, Жоф-

²⁵³ Вернер фон Боланден, но, возможно, также Генрих фон Бургланд.

²⁵⁴ По данным хроники «Константинопольское опустошение», 30 марта 1203 г.

²⁵⁵ Видам – феодальный титул, означавший светского сеньора, который представлял высокопоставленного церковного магната в «мирских» делах, являлся главой его административного персонала и предводительствовал соответствующими вооруженными силами. Здесь имеется в виду Гийом де Феррьер, видам Шартрский, известный в качестве автора кансон. Еще в 1190 г., во время осады Акры, как показала западногерманская исследовательница М.-Л. Бульст-Тиле, он был принят в местное братство ордена тамплиеров. Э. Фараль ошибочно считал, что этот сеньор стал впоследствии великим магистром ордена и погиб под

фруа де Бомон, Жан де Фрувиль, Пьер, его брат, и многие другие. Клятвы, однако, которые они принесли, не были исполнены как следует, ибо в войско они не вернулись.

103

В это время в войско пришла весть, которую слышали весьма охотно, а именно, что флот из Фландрии, о коем вы уже слышали раньше, пристал в Марселе²⁵⁶. И Жан де Нелль, шателен Брюгге, который был капитаном этого войска, и Тьерри, который был сыном графа Филиппа Фландрского, и Николя де Майи послали к графу Фландрскому, своему сеньору, сообщить, что они зазимуют в Марселе, и пусть он

Дамьеттой в 1219 г. Французский историк в данном случае перепутал, очевидно, двух сеньоров: упоминаемого Виллардуэном видама Шартрского, участника Третьего и Четвертого Крестовых походов – Гийома де Феррьера и его тезку Гийома Шартрского из рода Вер, избранного в 1210 г. великим магистром тамплиеров, а до того являвшегося начальником крепости крестоносцев в Святой земле – Шатель-Блан. Последний и в самом деле был тяжело ранен в бою за Дамьетту в августе 1219 г., после чего ему пришлось сложить с себя должность великого магистра. Что касается рыцаря-поэта Гийома де Феррьера, то он отправился в Четвертый Крестовый поход в мае 1202 г., продав церкви Бельомера свои права на долю причитавшейся ей десятины и совершив тогда же «дарственный» акт в пользу шартрской церкви Пресвятой Девы. После захвата крестоносцами Задара вместе с Рено де Монмираем уехал в Сирию. Позднее, когда Бодуэн Фландрский был коронован императором Латинской империи, Гийом де Феррьер прибыл в Константинополь и, видимо, в том же 1204 г. умер.

²⁵⁶ См. выше, § 48–49. Как там уже отмечалось, фламандский флот, вопреки обещаниям, данным его капитанами графу Бодуэну Фландрскому, отказался участвовать в операциях против Задара и Константинополя и, не заходя в греческие гавани, направился в Сирию.

выразит им свою волю, а они исполнят то, что он им повелит. И он повелел им, по совету дожа Венеции и других баронов, отправиться в конце марта в путь и прибыть для встречи с ним в гавань Мутон²⁵⁷ в Романии. Увы! Они ждали его здесь столь худо, что не сдержали своего слова, а отправились в Сирию, где, как они знали, им не содеять никаких подвигов.

²⁵⁷ Так Виллардуэн переименовывает название гавани Модоны на юге Пелопоннеса.

[Папское отпущение за захват Задара (около февраля 1203 г.)]

104

Так вот, знайте, сеньоры, что если бы Бог не возлюбил эту рать, она не могла бы оставаться в целости, когда столько людей стремились причинить ей зло.

105

Тогда²⁵⁸ бароны²⁵⁹ переговорили между собой и сказали, что они пошлют в Рим к апостолику, ибо, как им было из-

²⁵⁸ Хронист передает весь последующий эпизод (§ 105–107), уже рассказав (§ 91–102) о прибытии послов из Германии в Задар и о последствиях этого посольства. Они прибыли, как указывалось, 1 января 1203 г. Между тем посольство крестоносцев выехало в Рим, по-видимому, в декабре 1202 г. Дата определяется на основании сообщения Гюнтера Пэрисского, согласно которому весть о прибытии в Задар послов из Германии (царевича Алексея и короля Филиппа) достигла Рима в то время, когда послы крестоносцев находились уже там. Иными словами, порядок изложения событий у Виллардуэна не соответствует их реальной последовательности, и это имеет свое объяснение: дело в том, что послание Иннокентия III «воинству Христову» дошло по назначению уже после прибытия в Задар византийских и немецких послов (послы же крестоносцев выехали в Рим раньше).

²⁵⁹ Судя по рассказу Робера де Клари (гл. XV), венецианцы не участвовали в каких-либо контактах крестоносцев с Римом. Действительно, они оставались в стороне от переговоров, что подтверждается и последующими событиями. Любопытно, однако, что Виллардуэн хранит на сей счет полное молчание.

вестно, он считал, что они совершили злое дело завоеванием Задара²⁶⁰; и они выбрали послами двух рыцарей и двух клириков, таких, которые, полагали они, вполне подходят для этого посольства. Из двух клириков один был Невелон, епископ Суассонский²⁶¹

²⁶⁰ То есть крестоносные бароны решили отправить депутацию к папе, который после взятия Задара крестоносцами в самом деле выразил свое негодование. Получив сообщение о захвате Задара, папа в послании к крестоносцам высказал «безмерную скорбь» в связи с тем, что они «пролили братскую кровь» и «уклонились с пути», нарушив его, папы, запрет нападать на христианские земли. Иннокентий III даже отлучил крестоносцев от церкви! Именно озабоченность этим обстоятельством и побудила предводителей, опасавшихся потерять влияние на массу рядовых воинов, участников захвата Задара, отрядить в декабре 1202 г. депутацию в Рим, чтобы в оправдание перед рыцарством испросить хотя бы формальное «прощение» апостольского престола за совершенное «прегрешение». Предводителям Крестового похода приходилось считаться с тем, что негативная позиция «апостолика» усиливала дезертирство из крестоносной рати, а папское «прощение» могло бы по крайней мере предотвратить ее дальнейший распад.

²⁶¹ Имя Невелона Суассонского называют и другие авторы, в том числе Гюнтер Пэрисский, а также сам папа (в своих письмах). Гюнтер, впрочем, «включает» в состав посольства и своего аббата Мартина, чью роль в этой миссии (да и вообще в Крестовом походе) всячески старается подчеркнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.